

Женщина в «Восточном экспрессе»

Автор:

[Линдси Эшфорд](#)

Женщина в «Восточном экспрессе»

Линдси Эшфорд

«Эшфорд умеет создать невероятно захватывающую смесь реальности и вымысла». – Guardian. Поклонники Агаты Кристи будут в полном восторге. Королева детектива собственной персоной в знаменитом скором поезде, который стал местом действия самого известного романа о великом сыщике Эркюле Пуаро... Судьбоносное путешествие, изменившее для нее все. Мир Агаты перевернулся. Обманул и ушел муж, под чьей фамилией она прославилась как мастер детектива. Прошло два года, а писательница все никак не придет в себя. Предпринимая очередную попытку встряхнуться, она садится в «Восточный экспресс». Ее путь лежит на Ближний Восток, один из первых очагов человеческой цивилизации. Там открывает тайны древности безумно интересующая ее археология... Агата – не единственная женщина с разбитой жизнью в этом поезде. Две попутчицы имеют за плечами собственные трагедии. Трагедии, тщательно скрывааемые, – ибо они делают женщин изгоями в Британии конца 1920-х. Агате предстоит напрячь все силы, чтобы, подобно своим героям, проникнуть в чужие секреты, оберегаемые от мира. Втроем они навсегда избавятся от груза прошлого – вместе, но каждая по-своему...

Линдси Эшфорд

Женщина в «Восточном экспрессе»

© Перевод на русский язык, Ю. Рышкова, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается моим родителям, Дженет и Грэму Молтонам, а также брату Тиму.

В память о моей свекрови Ивонн Лоуренс:

20 февраля 1936 – 22 февраля 2016

Пролог

Август 1963 года

Он пришел со стороны реки, прокрался в мой сад тайком.

Я сижу в роще камелий, жду заката, наблюдаю за ловцами устриц и пытаюсь придумать, кто убьет майора Пэлгрейва[1 - Это убийство расследует мисс Марпл в романе «Карибская тайна» (1964).]. Легкий плеск прилива убаюкивает, и я не вижу, как к причалу направляется лодка.

– Миссис Кристи? – На мое лицо падает тень.

– Кто здесь?!

Я открываю глаза и наклоняюсь вперед. Солнце светит ему в спину, трудно различить черты лица. Мы знакомы?.. Высокий, стройный, грива темных волос. На нем теннисные шорты, ноги в блестящих капельках воды.

Он протягивает руку, делает шаг вперед. Из-за его спины вырывается солнце, яркий свет бьет по глазам. Я моргаю, стараясь прогнать зеленые круги, а он, запинаясь, произносит свою фамилию. От нее пахнет турецкими сигаретами и горячим ветром пустыни.

– Простите, что врываюсь вот так, без приглашения. – Голос мягкий, словно у врача, который сообщает плохие новости. – Мне нужно с вами поговорить. Вы – единственная, кто в силах помочь.

Я молчу. Ловцы устриц перекликаются друг с другом, мелодичные звуки отражаются от воды. Он пришел за сюжетом, о котором я обещала никогда не писать. Эта история началась более тридцати лет назад в «Восточном экспрессе», направляющемся в Багдад.

Надо что-то ответить, как-то выпутаться... Понимает ли он, что нарушает границы частной территории, спрашиваю я. Опускаю глаза на кусочек травы, разделяющей нас. Понятия не имею, о чем он вообще!

Звучит неубедительно – это слышу даже я.

Он уже знает достаточно, раз нашел меня и пробрался в мой сад. Стоит ли рассказывать? Должна ли я хранить тайну человека, который давно умер?

– У меня есть фотография.

Он лезет в рюкзак, свисающий с плеча, и протягивает мне вещдок № 1: моя собственная персона тридцатилетней давности, когда у меня еще имелась талия и можно было безо всякого стыда купаться в шелковой рубашке и двух парах белья. Я улыбаюсь из-под нависающих листьев пальмы, одной рукой обнимаю Кэтрин; та смотрит прямо в камеру тем же смелым, лукавым взглядом, каким одарила меня в первую встречу. Мы целомудренно завернулись в полотенца, но мокрые, прилизанные волосы выдают тот факт, что мы вылезли на берег Евфрата; самой реки на снимке не видно, она слева от меня.

Я переворачиваю фотографию. Мелким, безупречным почерком Кэтрин выведены дата, декабрь 1928, и подпись: «Мы с Агатой в Месопотамии». Вновь переворачиваю и вглядываюсь в снимок. В ушах начинает звенеть – резко поднялось давление.

– Вы помните?.. – В голосе мужчины звучит легкая тревога: боится, что от старости у меня мозги размякли. Наверняка видел, как я сплю с открытым ртом. На этом можно сыграть: сочинить каких-нибудь небылиц о моих путешествиях по Ближнему Востоку. На самом деле я помню тот декабрьский полдень так ясно, как будто это было вчера. Потрясение, испытанное тогда, до сих пор со мной, несмотря на прошедшие десятилетия. Дерзкий взгляд Кэтрин словно бросает мне вызов: говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Когда вы узнали?

Я возвращаю фотографию.

– Несколько месяцев назад. Я вам писал, но вы не ответили.

Я качаю головой.

– Извините... Я получаю много писем. Моя помощница...

– Мне обязательно нужно с вами поговорить. Вы же понимаете, правда? – Он медлит, кусает губу. – Позвольте, я присяду?

Я перевожу дыхание. Надо выиграть время.

– Пойдемте в дом. Хотите чаю?

Я беру палку и поднимаюсь с деревянной скамьи, однако он снова лезет в рюкзак.

– Вот еще одна, хотя там значатся только дата и место. Я подумал – может, вы... – Он умолкает и протягивает мне снимок, болезненно морщась, словно не в силах на него смотреть.

Фотография истрепалась от времени, правый уголок загнут, черно-белые тона вылиняли до сепии. Надпись на кромке тоже выцвела:

Лидо, Венеция – апрель 1928 года

На снимке группа мужчин и женщин: молодые, загорелые, позируют на камеру: стоят полукругом, тесно, касаясь руками и ногами. Нэнси – в центре, слева; темные кудри наполовину скрывает полосатый берет. Напряженный взгляд не вяжется с легким курортным нарядом: льняные брюки и блузка. Она выглядит совсем крошечной возле мускулистого парня справа: он держит ее за руку, а другой рукой обнимает улыбающуюся женщину в кимоно. В самом конце полукруга, справа – мужчина в узорчатом махровом халате и парусиновых туфлях с пряжками. Он оглядывается назад, на своих друзей – такой высокий, что смотрит поверх голов. Красивое лицо, однако во взгляде и линии губ есть нечто властное, почти жестокое. Может быть, это всего лишь игра света; кажется, он смотрит на Нэнси.

– Вы их знаете?

Я могла бы все отрицать. Меня вообще нет на этой фотографии; весной 1928 года я находилась за сотни миль, в Лондоне, выставляла себя на посмешище в суде. Хотя я закрываю глаза, это лицо – единственное – остается гореть под веками. Даже сейчас, столько лет спустя, боль пронзает осколками разбитого стекла.

– Вы узнали кого-нибудь?

Я уже и так выдала себя – он почувствует ложь. Но если признаваться, то до конца. Смогу ли я?

– Пожалуйста! – Он берет меня за руку – мягко, без нажима. – Расскажите мне правду, хоть самую малость! Понимаете, из семьи никого не осталось – никого, кто знает.

Ты должна ему рассказать.

Чей это голос? Не Кэтрин и не Нэнси. Голос мужской: тот самый, что я пыталась забыть много лет назад, когда впервые села в «Восточный экспресс».

Кажется, была сестра. А может, и брат. Нельзя лишать его семьи! Вспомни, как это повлияло на Розалинду!

Ловко, ничего не скажешь – взывать к совести, используя родную дочь!

Я поворачиваюсь и направляюсь к дому, поманив за собой незваного гостя; он быстро догоняет и пристраивается рядом. Его улыбка растопит любое женское сердце.

У меня есть примерно десять минут, чтобы принять решение.

Глава 1

Октябрь 1928 года – Лондон, Англия

Порой нам не дают покоя призраки живых людей.

После развода с Арчи Кристи его призрак следовал за ней повсюду. Находясь в пустом доме, Агата слышала его шаги на лестнице. Просыпаясь среди ночи, ощущала вес его тела в постели. Открывала гардероб и вдыхала знакомый запах пены для бритья и сигарет, хотя его одежду давно уже забрали. Создавалось ощущение, что собственные органы чувств сговорились довести ее до безумия.

Поездка на «Восточном экспрессе» была попыткой избавиться от призрака Арчи. Агата убеждала всех – включая себя, – что уезжает отдохнуть. Впервые в жизни она собиралась за границу одна и строила самостоятельные планы на ближайшие два месяца.

Агата сознавала, насколько ей повезло иметь деньги – и время. Она как раз сдала в издательство «Тайну семи циферблатов», а для написания нового романа вовсе не требовалось оставаться в Англии. Изначально она планировала отплыть в Вест-Индию и Ямайку, однако буквально за несколько дней мимолетный эпизод заставил ее переменить решение.

На званом обеде в Мэйфере Агата случайно услышала разговор, не предназначенный для ее ушей. В зимнем саду, где подавали шампанское, кто-то произнес ее фамилию по другую сторону огромного папоротника. К разговору присоединились женские голоса.

- Да, - прошипела одна из них, - это она, точно!

- Та самая, что инсценировала свою смерть?

- И притворилась, будто потеряла память?

Агата придвинулась ближе к стволу дерева, мечтая провалиться сквозь землю.

- Говорят, это все ради повышения продаж!

Пауза.

- Я читала в газете - «Дейли мейл», кажется, - что ее поиски обошлись налогоплательщикам в тысячи фунтов!

- Бедный муж - вот кого жалко!

- Говорят, у него была любовница!

- Интересно, почему она скрылась в маленьком городке, в глуши?

- Понятия не имею. Подумать только, и у нее хватило наглости заявиться сюда!

Ей захотелось выбежать из комнаты, но кругом было полно народа. Не поднимая головы, Агата вышла в холл. Только бы добраться до входной двери незамеченной... И тут ее окликнули.

- Миссис Кристи!

Высокий седовласый мужчина, улыбаясь, доставал что-то из кармана пиджака.

- Будьте добры, подпишите, пожалуйста.

Агата бросила на него настороженный взгляд.

- Для мамы. Она прикована к постели и просто обожает ваши книги!

Это оказалась «Тайна замка Чимниз». Пока Агата надписывала книгу, проситель признался, что и сам получил большое удовольствие от романа. Тут их позвали в столовую, где, к счастью, ее усадили между хозяином и новым знакомым.

Последний рассказал ей, что проходит военную службу в Ираке. Вскоре они уже болтали вовсю: о газетных новостях, о новых открытиях, сделанных в Уре Леонардом Вулли, о найденных там сокровищах.

- Меня всегда интересовала археология, - призналась Агата. - Завидую вам. Я бы очень хотела посетить Багдад.

- Так поезжайте! - воскликнул он. - Туда можно добраться на «Восточном экспрессе».

Его слова оказали на нее магическое влияние. Агата стала рассказывать, как еще в детстве мельком видела этот поезд во Франции, куда мать повезла ее перед войной. Она помнила мужчин и женщин, прогуливающих вдоль платформы с восторженными лицами; их приветствовали безупречного вида проводники, стоящие навтыжку возле каждого вагона. Ящики с устрицами, блестящими во льду, огромные куски бекона на крюках, тележки со всевозможными фруктами - все это грузили в вагон-ресторан.

На следующий день Агата отправилась в агентство Кука и сдала билеты на Карибы. Формальности с получением виз в Сирию и Ирак заняли меньше недели, и в выходные она уже садилась на поезд из Лондона в Дувр - первый перегон.

Ее провожала друг и помощница Шарлотта. Последняя не одобряла затею: по ее мнению, неразумно одинокой женщине путешествовать по Ближнему Востоку, однако Агату было не переубедить, и она это хорошо знала. На прощание Шарлотта предостерегла подругу об опасностях, поджидающих ее в Багдаде.

– Ты там поосторожней, – напутствовала она. – Твои голубые глаза способны вскружить немало голов!

Агата улыбнулась неуклюжей попытке ее приободрить. В день свадьбы – кажется, это было в прошлой жизни – Арчи сказал, что у нее невероятные глаза цвета неба, когда летишь над грозowymi облаками. После венчания он взял ее за руку и произнес:

– Обещай мне кое-что, ладно? Обещай, что всегда будешь красивой.

Помнится, она тогда засмеялась и поцеловала его, затем провела пальцем по груди крест-накрест – там, где сердце.

– Ты ведь будешь любить меня всякой, правда?

Арчи посерьезнел.

– Может быть.... Но это будет уже не то...

И все-таки он нарушил обещание. Что же произошло? Почему она перестала быть красивой в его глазах? Рождение ребенка? Четыре-пять лишних фунтов, набранные за месяцы беременности? Или просто любовь его ослепляла? Однажды он проснулся и понял, что ошибся в выборе?

– Не забудь мои турецкие туфли! – крикнула Шарлотта. Ее заглушил предупредительный гудок паровоза.

Агата помахала ей из окна. Ноздри наполнил сернистый запах дыма – хороший запах, волнующий. Она переворачивает новую страницу. Агата Кристи, жена, превращается в Мэри Миллер, искательницу приключений.

* * *

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь кружевные занавески на втором этаже квартиры номер шесть в Коннот-Мэншенс, освещая стопку чемоданов из зеленой кожи. Нэнси достала со шкафа две шляпные коробки и взгромоздила их

на шаткую грудку багажа, затем подошла к окну. В парке уже прогуливался народ. Две няни в блестящих соломенных шляпках толкали коляски по ковру из золотистых листьев. Молочник в тележке что-то крикнул через забор; одна из женщин улыбнулась и покачала головой. Где-то в кустах гавкнула собака; кряхтя, вылезли из пруда утки. В отдалении виднелся Букингемский дворец, британский флаг трепетал на легком ветру.

Всего этого она больше никогда не увидит.

Чемоданы громоздились на кровати, придавая комнате нежилой вид. Туалетный столик опустел: исчезли привычные склянки духов, серебряная щетка, расческа, ручное зеркальце, пудреница, баночка козьего крема. И драгоценная фотография в сумочке, обернутая шарфом. Утром, собираясь, она достала из комода шелковый прямоугольник с павлиньим узором и уловила слабый аромат ландышей. Шарф принадлежал когда-то матери и до сих пор хранил ее любимый запах. Это доконало Нэнси: слезы, так долго сдерживаемые, хлынули ручьем. Уткнувшись в подушку, она словно воочию услышала голос матери: «Ну-ну, девочка: истинная леди должна держать себя в руках».

Надо спускаться в столовую. Человек, которого она оставляет навсегда, сидит за столом, углубленный в изучение «Файнэншл таймс». Он рассеянно взглянет на нее поверх газеты. Редферн принесет завтрак: яйца-пашот, сосиски, грибы, бекон. За едой муж, вероятно, спросит ее о планах на день. Он никогда не слушает, так что заранее приготовленная ложь останется незамеченной. После завтрака он уйдет в клуб, даже не подозревая, что жена отправляется в путешествие вокруг света.

К ланчу она сядет в поезд на Дувр, а к тому времени, как муж вернется домой, уже будет во Франции. В сумочке лежат билеты (пришлось заложить жемчужное ожерелье и серьги, подаренные на двадцать первый день рождения). Решение принято. Ночью она будет спать в другой стране, а к концу недели доберется до Багдада.

Даже в самых буйных фантазиях Нэнси не предполагала, что когда-нибудь поселится в городе посреди пустыни; ее представления основывались лишь на журналах и письмах кузины. Но куда деваться?

Ее взгляд остановился на двух нянях: те болтали на садовой скамейке. Судорожно вздохнув, Нэнси отвернулась и сунула руку в сумочку. Вот он... В животе запорхали бабочки.

- Приезжай, пожалуйста... - прошептала она. - Не оставляй меня одну...

* * *

В это время на другом конце Лондона женщина со светлыми волосами, выбивающимися из-под шляпки, поднималась по ступенькам Британского музея. Под мышкой она держала «Дейли экспресс», купленную второпях у мальчишки на углу. Она в принципе не привыкла покупать газеты и вряд ли выбрала бы эту, если бы не заголовок: «Загадочное самоубийство новобрачного».

Передавая деньги, Кэтрин не осмелилась взглянуть на мальчика: опасалась, что ее фотографию уже напечатали на первой странице. Пospешно скрывшись за поворотом, она развернула газету. Свежий ветер трепал страницы, мешая переворачивать. Внутри оказалась фотография Бертрама в военном мундире. Через два абзаца статья обрывалась - продолжение на следующем развороте, на улице не считаешь.

- Доброе утро, миссис Килинг, - дежурно приветствовал ее швейцар, раздвигая в улыбке моржовые усы.

Она кивнула и отвернулась. Интересно, видел ли он газету? Уже прочел? Ее будут обсуждать за утренним чаем?

Не поднимая головы, Кэтрин пробралась в безопасное место, подальше от любопытных глаз: в подвале музея, этой пещере Аладдина древних сокровищ, имелась комнатка, выделенная для работников месопотамских раскопок. Только бы там никто не торчал с утра пораньше!

К счастью, комната была пуста. Кэтрин уселась в кресло и разложила газету на столе, заваленном глиняными черепками и бусинами, пролежавшими в пустыне тысячи лет.

На следующей странице напечатали еще одну фотографию покойного мужа, более свежую, снятую в Египте. Группа мужчин сидела во дворе дома, в котором располагалась штаб-квартира. От его улыбки у Кэтрин сжалось сердце, ее охватило чувство вины: за то, что жива, за то, что превратила священное таинство брака в смертный приговор...

Кэтрин пробежала глазами текст, внутренне съеживаясь: журналист со вкусом излагал скандальную историю. Бертрам погиб пять лет назад – так долго длилось расследование. Ее предупредили, что, возможно, придется дать показания в суде – при мысли об этом становилось плохо... К счастью, лично являться не пришлось: следователь принял ее письменные показания.

Суд вынес вердикт: полковник Бертрам Килинг покончил с собой, повредившись рассудком. В отчете упоминалось, что он храбро служил родине в Первую мировую. Многие, очень многие вернулись с той войны не в себе. Легко все списать на войну, однако истинная причина была вовсе не в ней. Кэтрин это знала, а журналист явно подозревал. Вынесенный вердикт оказался скучным, так что сюжет приправили сальными намеками: неспроста, ох, неспроста мужчина, женатый всего полгода, расстался с жизнью!

Никто не узнает правду – свидетелей не осталось. Доктор – болван! – тоже умер вскоре после Бертрама, то ли от тифа, то ли от холеры. Кара небесная, можно и так сказать.

Кэтрин сложила газету и выбросила в мусорное ведро. Метнувшись вдоль полка, вытащила три тоненькие книги и сунула в сумку. Десять минут спустя она уже сбегала по ступенькам, подзывая такси. Через час отправляется поезд, который увезет ее подальше от любопытных журналистов и их похотливых читателей.

В машине Кэтрин закрыла глаза и представила себе долгожданную пустыню: безбрежная рябь песка, ясное голубое небо, запах костра и консервов, гулкий, напевный призыв к молитве на рассвете. Через неделю она уже будет там...

Правда, сперва придется уладить дело со свадьбой в Багдаде. При мысли об этом по спине пробежали мурашки, словно кто-то прошел по ее могиле.

После смерти Бертрама она и не помышляла о новом замужестве, однако ханжи-инвесторы не оставили выбора: брак – единственная возможность работать в

лагере, полном мужчин. Кэтрин приняла предложение археолога при одном условии: их союз никогда не будет консумирован. К ее удивлению, после секундного колебания он согласился (видимо, рассчитывал переубедить).

Дурак...

Голос Бертрама прозвучал так ясно, будто он сидел рядом. Если бы она только знала! Если бы сходила к врачу до первой брачной ночи...

- Куда собрались, мисс? - вторгся шофер в ее мысли.

- На Ближний Восток, - ответила она. - В Месопотамию.

- Ух ты! И что - туда можно доехать прямо с Виктории?

- Конечно. Садитесь на поезд до Дувра, а в Кале - на «Восточный экспресс». Железная дорога проложена до Дамаска, потом автобусом в Багдад.

- И долго так ехать?

- Всего пять дней.

Пять дней и ночей. Сколько это часов без учета сна? Меньше сотни. Не так уж много времени осталось, чтобы выдумать предлог не пускать в постель будущего мужа.

Глава 2

Лондон - Париж

В первую ночь Агата не отважилась выйти из купе. В море она всегда чувствовала себя скверно, и переправа через Ла-Манш ее совершенно вымотала. В поезде волнение уступило место невыразимому облегчению. Проводник

сказал, что в купе больше никого не будет до самого Белграда, и она не стала опускать жалюзи, просто лежала, наблюдая за сумеречными пейзажами Нормандии. Поезд катил мимо черных деревьев, покачивающих голыми пальцами, мимо силуэтов лошадей, вспугнутых паровозным гудком... Мирные сельские картины, нетронутые временем. Трудно поверить, что еще лет десять назад здесь бушевала война.

Ей вспомнился Арчи, парящий над этими полями на своем биплане – один из немногих квалифицированных пилотов Британии, кому повезло выжить. Как-то, еще до женитьбы, он писал ей из Франции – спрашивал, не переживает ли она за него. Агата прочла между строк: в глубине души ему хотелось успокоить самого себя. С обратной почтой она послала фиалки и святого Кристофера, написала, что ни капельки не волнуется, ведь она видела его в воздухе и знает, насколько он хорош. Агата тщательно избегала каких-либо упоминаний о своей повседневной жизни, об искалеченных телах мужчин и мальчиков, за которыми приходилось ухаживать в госпитале в Торки.

«Ужасно грязная работа! Мне противно даже думать, что ты ею занимаешься».

Он написал это за неделю до первого отпуска, и с тех пор Агата никогда не упоминала о своей работе. Ее письма были заполнены мечтами о доме, о жизни, которая ждет их после войны.

Поспешное венчание состоялось в сочельник 1914 года – тогда они гостили в доме его матери. Накануне вечером Арчи долго рассуждал о том, как это неправильно – жениться, пока идет война. На следующее утро он ворвался к ней в спальню и объявил, что передумал: они должны обвенчаться немедленно! У него оставалось всего сорок восемь часов отпуска – не было времени купить платье, выбрать цветы, даже испечь торт. Агата выходила замуж в пиджаке и юбке, которые надевала на собеседование в госпиталь. Поймали vicария и заплатили восемь фунтов; свидетелем стал друг, случайно проходивший мимо церкви. После первой брачной ночи муж вернулся во Францию.

Агата закрыла глаза, пытаясь вытеснить из памяти его жесткое тело, вжимающееся в ее мягкую белую плоть. Она мысленно перенеслась в далекое прошлое, в место, где всегда царит лето – на пляж у подножия утеса в Девоне, в те беззаботные дни, где ребенком охотилась на крабов, поедала яйца вкрутую и сэндвичи с рыбным паштетом. И мало-помалу провалилась в сон...

Проснулась от мягкого толчка: поезд остановился. Интересно, где это они? Париж? Или еще дальше? Дижон? Лозанна? Агата приподнялась на локтях, вглядываясь через стекло.

На платформе, залитой лунным светом, ее внимание привлекла фигура мужчины – было в нем что-то до жути знакомое... Высокие скулы, блестящие глаза...

Она моргнула, вытягивая шею. Последний раз они виделись несколько месяцев назад, и все же вот он, здесь, за окном, словно переправился вслед за ней через пролив, отстал где-то в Кале и теперь, обретя сверхъестественную скорость, вновь нашел поезд. Смотрит куда-то вдаль, с явным нетерпением. Губы дернулись, зашевелились, хотя рядом никого... С кем он разговаривает?

Внезапно в голове прозвучал знакомый голос:

Опять убегаем? Ну что ж, может, хоть сейчас получится...

Агата зажмурилась. Разумеется, это не Арчи! Тот сейчас в Англии, спит в своей постели. Возможно, видит ее во сне, представляет, что будет делать через несколько дней, после свадьбы...

Когда она перестала мучить себя и открыла глаза, призрак уже исчез. Ну и воображение...

Поезд тронулся, Агата улеглась и начала медленно вдыхать и выдыхать, считая до четырех. Каждый вдох приносил успокаивающий запах свежего белья. Затем она мысленно составила список всех приятных моментов путешествия: еда, музыка, новые пейзажи. Есть в поезде что-то надежное: в самом деле, она ведь не одна – стоит лишь позвонить, и тут же явится проводник.

Агата попыталась представить себе конечную цель путешествия и невольно поежилась. Удастся ли проделать такой путь в одиночку? А почему нет? Ведь ей уже тридцать восемь! И потом, не на Луну ведь едет, всего лишь в Багдад. И снова ее охватила легкая дрожь. На званом обеде в Лондоне то была дрожь предвкушения; сейчас добавились нотки страха.

Она почти ничего не знала о Багдаде. Однажды они с мамой ездили в Египет – может, что-то в этом роде? В восемнадцать лет Агата куда больше интересовалась мужчинами и танцами, нежели пирамидами и гробницами.

Один полковник – очень добрый, довольно симпатичный, намного старше ее – на обратном пути попросил у матери ее руки. Агата порядком разозлилась, когда узнала об этом задним числом, уже в Девоне. Она чувствовала себя обманутой: ее даже не спросили! Теперь лицо полковника всплыло в полутьме купе. Если бы она вышла замуж за него, а не за...

Агата попыталась сосредоточиться на ритмичном перестуке колес. Только бы ей не приснился Арчи! Что угодно, только не он...

* * *

Нэнси перемещалась от окна к двери и обратно, меряя шагами купе, словно зверек в клетке. С тех пор как поезд подъехал к Лионскому вокзалу в Париже, она прижималась лицом к стеклу в надежде его увидеть. Увы, было слишком темно. На платформе толпился народ: кто-то ожидал, кто-то готовился сесть. Ей хотелось выпрыгнуть из вагона и побежать, заглядывая в лица. Нет, нельзя, слишком рискованно: она может его упустить, или еще хуже – он сядет, а она не успеет, и поезд уйдет без нее.

На каждой остановке Нэнси ждала его появления. На вокзале Виктория, пока другие пассажиры нежно прощались с любимыми, она торчала на платформе. Дежурный практически загнал ее в вагон, жалостливо подняв брови.

В Дувре он так и не объявился. Нэнси обошла все палубы в надежде, что он в последний момент успел вскочить на борт.

В Кале, где ожидал «Восточный экспресс», постоять на платформе не удалось: крайне обходительный проводник сразу отвел ее в купе, показал, как все устроено, и зачитал список блюд, предлагаемых на ужин. В иных обстоятельствах Нэнси пришла бы в восторг, однако сейчас была слишком взвинчена. К тому времени, как он закончил, поезд уже тронулся.

– Ваша спутница присоединится к вам в Париже, мадам? – спросил проводник с иностранным акцентом.

– Э-э... д-да... В Париже... да.

Нэнси смутилась. Она заплатила двойную цену за купе второго класса в надежде, что он поедет. В агентстве Кука ее уведомили о том, что в купе могут находиться лишь пассажиры одного пола; пришлось сочинить некую мисс Мюриэл Харпер.

Проводник улыбнулся, и она покраснела до ушей. Наверняка видит ее насквозь: подвел любовник, а никакая не подруга. Небось думает: бедная богатая девочка!

Париж был ее последней надеждой. Оставался призрачный шанс: он успел туда до нее и собирается сесть на поезд в темноте, чтобы избежать бдительных глаз проводника.

Нэнси глянула на часы – поезд отходит через пять минут.

Хлопнула дверь. Шаги в коридоре. Женский голос что-то сказал по-французски. Нэнси опустилась на сиденье, во рту пересохло. И тут послышался тихий щелчок. Резко обернувшись, она увидела, как дверная ручка дергается вверх-вниз. Одним прыжком Нэнси достигла двери.

– Милый!

Она бросилась в его объятия, от слез защипало глаза.

– погоди, дай мне войти!

Губы мимолетно скользнули по ее щеке.

– Где же твой багаж?

Он тяжело осел на постель.

– Я не смогу остаться – утром мне нужно сойти.

– Но...

– Не спрашивай, Нэнси, не сейчас! Давай лучше не будем терять времени – у нас всего одна ночь. Запри дверь и обними меня.

Он протянул руки, и она растаяла в его объятиях.

Потом, лежа в темноте на узкой койке, Нэнси вдыхала запах его влажной кожи. В дверь тихо постучал проводник. Она крикнула, что ей ничего не нужно. Смешно! Вот он, тот, кто ей нужен больше всего на свете, лежит рядом – и через несколько бесценных часов исчезнет.

Удаляющиеся шаги постепенно затихли. Нэнси потянулась к нему, но момент был испорчен – он уже садился. Чиркнула спичка, зажегся огонек сигареты. Вот теперь он скажет ей то, чего она так боялась.

– Я должен был приехать... Я не мог тебя подвести. – Он затаился и выдохнул струйку дыма, проплывшую мимо ее лица. – Сейчас такой сложный период... Ты ведь понимаешь, правда?

Нэнси почувствовала, как внизу живота закипают пузыри истерического смеха. Сложный? Да как он может сравнивать?! И все же она промолчала. Не издала ни звука. Пусть попробует объяснить.

– Мне кажется, жена подозревает... Боюсь, как бы не обратилась в газеты – представь, что с нами будет?

– Но ведь это уже не важно, мы будем далеко, в Багдаде. – Нэнси не видела его лица, в темноте светился лишь кончик сигареты.

Он испустил хриплый смешок, почти рычание.

– В Багдаде? Какого черта нам делать в Багдаде?

– Я... я не знаю. Просто... – Она запнулась. – Наверное, просто жить. Мы же любим друг друга, разве этого недостаточно?

Молчание было ей красноречивым ответом.

Ей захотелось все рассказать. Боже, как ей хотелось облегчить наконец душу! Увы, нельзя. Он должен сам прийти, добровольно, иначе ничего не выйдет – у нее хватало мозгов это понимать. Да и остатки гордости не позволяют... Нет, она не опустится до эмоционального шантажа.

– Ты ведь знаешь, как ты мне дорога, – прошептал он. – Иначе стал бы я так рисковать, пробираясь сюда?

Он перегнулся через нее, чтобы затушить сигарету, и ткнулся носом в ее волосы.

– Просто обожди пару-тройку месяцев, не высывайся... – Он потерся щекой о ее шею, и по телу пробежали сладостные спазмы. – Мы будем вместе, обещаю.

Он скользнул ниже, и Нэнси закрыла глаза. Ей так отчаянно хотелось верить!

Глава 3

Лозанна – Милан

На следующее утро Агата проснулась в восторге: за окном высились Альпы. Лучи восходящего солнца отражались на снежных вершинах причудливыми розоватыми пятнами на фоне безупречного неба.

Она поспешно оделась: жакет от Сони Делоне в ярких полосах осенних цветов, шелковая блузка и шерстяная юбка в тон. Подойдя к маленькому зеркалу над раковиной, Агата поразилась собственному отражению: на солнце рыжина в волосах выглядела кричаще яркой. Парикмахер предупреждал о подобном эффекте: «Вы – натуральная блондинка, так что цвет может проявиться совершенно иначе».

Она улыбнулась непривычной для себя улыбкой и надела очки, чтобы довершить образ. Ярлычки, выглядывающие с багажной сетки над головой, подтверждали ее новую личину: миссис М. Миллер, Грейстон-хаус, Дрюстентон, Эксетер.

Агата открыла дверь купе и замерла в нерешительности, напуганная предстоящим походом в вагон-ресторан. Там будет столько народа! А вдруг ее узнают?

Но тут на помощь пришел желудок: где-то открылась дверь, и в коридоре повеяло запахом горячих тостов с беконом и кофе. Отец всегда говорил: для успокоения нервов нет ничего лучше хорошего завтрака. Живот заурчал в радостном предвкушении, и Агата последовала за ароматом.

Официант усадил ее спиной к паровозу и осведомился, какой чай предпочитает леди: индийский или китайский? Она вдумчиво изучала меню. Что выбрать: яйца «Бенедикт»[2 - Бутерброд с яйцом, сваренным без скорлупы.], кеджери[3 - Рис с кусочками вареной или копченой рыбы.] или блинчики с кленовым сиропом? Восхитительные колебания... Официант вернулся с чайником «Дарджилинга».

Рядом с серебряными приборами, поблескивающими на солнце, лежала тщательно отутюженная газета[4 - В то время было принято проглаживать свежие газеты утюгом, чтобы типографская краска не приставала к пальцам.]. Агата развернула ее и потянулась за чаем. Подняв фарфоровую чашку с монограммой к губам, она заметила девушку, сидящую за столиком напротив.

Пожалуй, не больше двадцати пяти. Темные вьющиеся волосы, нежные черты, непритязательный костюм хорошего покроя, капелька макияжа. У Агаты возникло странное чувство дежавю: где-то она ее уже видела, никак не вспомнить... К счастью, девушка не поднимала головы, и можно было спокойно ее разглядывать, прикрывшись газетой.

Что-то упало на кусочек тоста...

Девушка плакала.

Мало-помалу слезы полились ручьем. Незнакомка не издавала звуков, даже не делала попытки вытереть лицо – она застыла, словно парализованная горем.

Агата подняла чашку и вновь опустила, нервно поглаживая ручку. Сделать вид, что не заметила? Нет, надо подойти.

И в этот момент девушка подняла голову. Глядя куда-то в дальний конец вагона-ресторана, она еле заметно шевельнула рукой – вроде бы хотела кому-то помахать, но боялась, что увидят.

Разумеется, Агата не стала поворачиваться и разглядывать, кому она там машет – это было бы невежливо. Однако тайну раскрыл неожиданный оптический эффект: луч света бросил на стекло отражение лица в дверном проеме.

Его лица.

Так, значит, это не призрак, ей не приснилось! Он здесь, в поезде.

Задрожала рука, звякнула чашка о блюдец. К счастью, звук заглушился внезапным скрежетом тормозов – поезд замедлял ход. Мимо проносились деревянные домики с заиндевевшими окнами, телеги, люди в меховых шапках, бледные узкие лица.

Поезд дернулся и остановился. Дверь в дальнем конце вагона распахнулась, мелькнул удаляющийся затылок.

Это и вправду был он?..

Агата украдкой покосилась на девушку. Та уткнулась в тарелку, волосы упали вперед, закрывая лицо.

Если это он, то кто же тогда она?..

Вагон вздрогнул, поезд тронулся, набирая скорость. Агата попыталась разглядеть название станции, но табличка пронеслась мимо слишком быстро. Наверное, они сейчас в Швейцарии или в Италии. Зачем бы Арчи сходить с поезда в этих местах?

Агата снова обернулась к девушке, но тут официант принес завтрак, заслонив обзор. Пока он раскладывал салфетку, подавал тарелку, интересовался, не

нужно ли ей еще что-нибудь, девушка поднялась и вышла.

Любовница Арчи?..

Агату вдруг поразило, как мало она знает о женщине, укравшей сердце мужа.

Имя – да, известно. Она даже видела ее однажды: Арчи пригласил домой партнеров по гольфу. Как назло, она тогда свалилась с гриппом, не в силах встать и поздороваться – нерадивая хозяйка!

Возможно, в тот момент ничего и не было, иначе муж не посмел бы ее пригласить. Субботним утром, проходя по коридору в ванную, Агата мельком увидела в холле двух мужчин и женщину. Те ее не заметили. Женщина сразу привлекла внимание: стройная, с темными вьющимися волосами. Когда гости уехали, она спросила Арчи, кто это был. «А, это Нэнси! Неплохой гандикап для женщины».

Больше Агата ее не видела, даже не думала о ней – до лета 1926 года, накануне дня рождения Розалинды. Именно в этот вечер муж решил признаться: есть другая женщина, значившая для него больше, чем жена и дочь.

Так вот она какая... Жаль, что не удастся толком вспомнить ту женщину в Саннингдейле.

Агата взяла приборы и постаралась отдать должное яйцам «Бенедикт», однако внутренности скрутило в тугой узел.

На выходе из ресторана она помедлила возле соседнего столика, сканируя его взглядом в поисках зацепок. Платок с инициалами? Нет, лишь смятая салфетка и крошки тоста.

У тебя просто разыгралось воображение.

На этот раз голос матери.

Агата помедлила в коридоре, прижавшись лицом к прохладному стеклу. От дыхания расплылся пейзаж за окном: луга, присыпанные снегом.

Все не так! Она отправилась в путешествие, чтобы исцелиться...

От вереницы сосен, проносащихся мимо, закружилась голова. Нахлынуло ужасное ощущение одиночества – как тогда в гостиничном номере в Харрогейте, в ожидании Арчи, который приедет и заберет ее домой...

Почти два года назад Агата села в поезд, не сказав никому, куда едет: серым декабрьским утром, четыре месяца спустя после разорвавшейся «бомбы». Она умоляла дать ей немного времени, попытаться все наладить. В субботу они собирались отправиться на выходные в Йоркшир, в отель в Харрогейте, однако в пятницу вечером Арчи не вернулся домой. Она ждала всю ночь, и под конец в ней что-то сломалось.

Снова убегаем...

Где-то хлопнула дверь, и Агата поспешно отвернулась от окна из страха, как бы чего не подумали. Тут поезд заложил крутой вираж, и ей пришлось ухватиться за поручень. Все еще в тумане собственных мыслей, она по ошибке открыла дверь чужого купе – на полке лежала какая-то женщина.

– Прошу прощения! – попятилась Агата.

– Миссис Миллер?

Женщина выглядела так, словно сошла со страниц «Вога». Высокая – ей приходилось пригибаться под багажной полкой; пижама из белого шелка, расшитая по краю черными египетскими иероглифами. От ее одежды исходил крепкий запах духов с ноткой ванили и еще чего-то вроде жасмина или нарцисса.

Незнакомка протянула руку и ослепительно улыбнулась, обнажая ряд ровных зубов. Безупречная кожа, никакого макияжа, кроме помады. Густые, блестящие волосы – скандинавский пепельный блонд, темно-синие, почти фиалковые глаза. Агате вспомнились колокольчики, растущие в полях возле дома ее матери в Торки.

– Кэтрин Килинг. – Ее рукопожатие было твердым, как у мужчины. – Простите, что напугала. Пришлось переселяться – клопы, представляете!

Она подняла брови и слегка передернула плечами, так, что округлая грудь шевельнулась под шелковой пижамой.

– Кто бы мог подумать, а? В «Восточном экспрессе»! Говорят, из-за обилия дерева в интерьере... Ну теперь расскажите о себе!

Агата заметила, что купе совершенно преобразилось: исчезли ее вещи. Со стола убрали расческу и несессер, ночная сорочка больше не свисала с крючка на двери, а шляпную коробку перевернули набок и запихнули в угол багажной полки. Она выбрала купе второго класса потому, что здесь было куда больше места, чем в одиночном купе первого, однако теперь ее охватили сомнения в правильности выбора.

– Какой дивный жакет! – Кэтрин провела изящным длинным пальцем по ткани. – Соня Делоне?[5 - Французское имя – Сара Элиевна Штерн (1885–1979) – знаменитой художницы-авангардистки, работавшей также как модельер.]

– Да.

– Так и думала. Мне довелось с ней сотрудничать.

– Правда?

– Я – художник-дизайнер, – кивнула Кэтрин. – Работала в модных домах Лондона и Парижа.

– Вы, наверное, очень талантливы, – вежливо заметила Агата. – По работе едете или так, для удовольствия?

Кэтрин расхохоталась, закинув голову.

– А разве это взаимоисключающие вещи? Я обожаю свою работу. – Она взяла со столика серебряную папиросницу. – Не желаете?

- Спасибо, не курю.

- Надеюсь, вы не против?

Кэтрин достала из кармана пижамы мундштук – черный с серебряным наконечником.

Агата совсем пала духом: придется делить купе с курильщицей! За годы брака с Арчи она смирилась с запахом сигарет, однако после развода успела привыкнуть к роскоши свежего воздуха в спальне.

- Турецкие, – пояснила Кэтрин. – Довольно неплохие. Коллега привез из Багдада. Надо будет раздобыть еще.

- Вы едете в Багдад? – поинтересовалась Агата. Станный выбор для человека из мира высокой моды; она-то думала, ее спутница сойдет в Милане.

Кэтрин выдохнула облачко дыма.

- В Ур – я там работаю на раскопках, рисую находки. Уже четвертый сезон пошел.

- Вы работаете с Леонардом Вулли? – с придыханием уточнила Агата.

- Да.

При упоминании этого имени Кэтрин отчего-то поморщилась и закатила глаза. Может, с ним сложно общаться или у него имеется какая-нибудь отвратительная привычка? Агате хотелось расспросить подробнее, но это было бы невежливо. Взамен она призналась, как с интересом читала о раскопках в газете, как это повлияло на ее выбор – ехать на восток вместо запада. Затем она спросила, какое из найденных сокровищ понравилось больше всего.

Кэтрин задумчиво стряхнула пепел.

- Пожалуй, головной убор царицы Пуаби[б - Богатая и влиятельная женщина («царица» – условный термин), жившая в одном из древнейших городов

шумерской цивилизации, Уре, припл. в 2600-е гг. до н. э.]. Два месяца потратила на восстановление – просто кошмар, куча мелких бусинок! – но оно того стоило.

Оказывается, в прошлом сезоне их группа нашла древнее захоронение, затерянное в пустыне на три тысячи лет. Среди замечательных находок им попался головной убор шумерской царицы. Кэтрин так увлекательно описывала процесс складывания фрагментов золота, лазурита и сердолика, что Агата мысленно перенеслась в другой мир и даже не заметила, как горные ландшафты за окном уступили равнинам Ломбардии – перед внутренним взором представали заманчивые картины сокровищ, найденных в Уре...

В дверь неожиданно постучали. Агата вздрогнула и вернулась с небес на землю. Вошел проводник с утренним кофе и спросил Кэтрин, не нужно ли перенести остаток вещей из прежнего купе. Обращение «миссис Килинг» порядком удивило Агату, поскольку обручального кольца у соседки не было.

Когда он вышел, Кэтрин воскликнула:

– Ах, миссис Миллер, как нехорошо с вашей стороны! Я все болтаю и болтаю о работе, а вы позволяете! Ну же, расскажите что-нибудь о себе!

Она размешала сахар и подняла чашку к губам – на краю остался четкий коралловый полумесяц.

– Багдад – довольно необычная цель для женщины, путешествующей в одиночку...

Кэтрин сделала многозначительную паузу: ей явно хотелось узнать, куда и почему ее спутница едет без мужа.

Агата вздохнула. Она предвидела досужее любопытство и заготовила ответ заранее, но ей хотелось придать голосу убедительности. Сперва она рассказала Кэтрин, что дочь уехала учиться в пансионат – это было правдой, – поэтому она ужасно скучает, и ей необходимо отвлечься. Затем последовала собственно ложь:

– Мой муж... погиб на войне.

Она долго практиковалась перед зеркалом; говорила себе, что лучше притвориться вдовой, чем принять позорный статус разведенной женщины. И все-таки вслух это прозвучало чудовищно, словно она и вправду желала ему смерти. Да еще лицо, отразившееся в оконном стекле... Неужели это кара? Новая жестокая выходка подсознания – видеть то, чего нет?

Кэтрин наклонилась и похлопала ее по руке.

– Я тоже потеряла мужа...

Кровь бросилась в лицо. Теперь Агате стало стыдно вдвойне.

Какая ты испорченная!

Кэтрин отвернулась к окну.

– Мы познакомились, когда я работала медсестрой во Франции.

– Во Франции? – эхом откликнулась Агата. Трудно представить столь экзотическое сознание в грязи и крови полевого госпиталя. В Торки порой приходилось тяжело – страшно подумать, чего навидалась Кэтрин.

– Мы были женаты всего шесть месяцев. – Кэтрин потянулась за новой сигаретой.

– Война так жестока...

Банальность, однако опыт подсказывал, что лучше не копать глубоко.

– Когда все закончилось, я снова пошла в медсестры, – пояснила Кэтрин. – Сперва в Египте, потом отправилась в Багдад – так и попала на раскопки.

Собеседница ждала продолжения, но Кэтрин прикурила сигарету и умолкла. В воздухе повисла пауза, словно попутчица, обрисовав обстоятельства своего брака, ждала в ответ того же самого.

Агата решила сменить тему и упомянула, что тоже бывала в Египте. Поговорили об интересных местах, увиденных в разное время. Затем Агата пустилась в описание рабочих будней в госпитале, больше акцентируя комические моменты: как они с подругой Эйлин учились химии в перерывах между сменами, как случайно взорвали кофейный аппарат, когда делали тест Марша на мышьяк. Она умолчала о том, что вышла за Арчи в следующие выходные после взрыва, что больные дразнили ее по поводу нового статуса, а один солдатик из Глазго заявил на всю палату, что «сестра Кристи» звучит лучше, чем «сестра Миллер», ведь это шотландская фамилия.

Было так странно возвращаться к работе уже замужней женщиной после единственной брачной ночи с Арчи, не зная, когда они увидятся в следующий раз – и увидятся ли вообще?.. Он сделал ей предложение через несколько дней после знакомства, на рождественском балу. Высокий, стройный, с вьющимися золотистыми волосами, Арчи обладал беззаботной уверенностью в себе, которая покорила ее с первого взгляда. К тому же он оказался превосходным танцором. Он пригласил ее на вальс, потом на фокстрот, но бальная карточка уже была заполнена. Арчи небрежно махнул рукой и велел ей не церемониться с остальными.

То же самое вышло и с предложением: она призналась, что уже помолвлена с Реджи Люси, артиллеристом. Какое это имеет значение? Арчи отмел жениха, словно соринку с пиджака сдул. «Если бы я был помолвлен, то сию минуту разорвал бы помолвку!»

Агата написала Реджи – доброму, нежному, терпеливому Реджи, который настоял на том, чтобы подождать по меньшей мере пару лет, прежде чем идти к алтарю, – и сообщила, что выходит за другого. С Реджи было так спокойно, так надежно «на берегу»: хороший товарищ без пылкой страсти. Однако теперь она пустилась в бурное море – влюбилась в незнакомца, в полную противоположность себе: практичного при ее романтичности, рационального там, где ее уносило воображение, жесткого при ее сентиментальности. Ей ужасно хотелось выйти за него, однако мать заявила, что надо подождать, пока он не начнет зарабатывать на ее содержание...

– Знаете, вам в Багдаде не понравится, – вдруг заявила Кэтрин.

Агата удивленно обернулась к ней.

– Почему вы так думаете?

– Там полно мемсаиб[7 - Госпожа – почтительное обращение к европейской женщине в колониальной Индии.] – все равно что не выезжать из Суррея: сплошные приглашения на чай и теннисные клубы. Если хотите увидеть настоящую Месопотамию, лучше избегайте их общества.

– А... Я... э-э... забронировала номер в отеле «Тигрис палас» на пять дней, особых планов у меня нет.

Агата хотела было добавить, что надеялась посетить раскопки в Уре, но вовремя остановила себя – некрасиво напрашиваться к незнакомым людям.

Кэтрин нарушила неловкое молчание.

– Ну так приезжайте к нам.

Интересно, кто это – «мы»?

– У дома есть пристройка для гостей, – продолжала Кэтрин. – Хотя Леонард не очень любит туристов, против вас не станет возражать.

Леонард? Весьма фамильярно... Некий налет пренебрежения к всемирно известной личности. Может быть, в жизни на раскопках есть свои особенности, царят совсем другие принципы?

– Я не хочу вам мешать, спасибо. В агентстве Кука мне сказали, что можно нанять местного гида.

– Глупости! – фыркнула Кэтрин. – Я, конечно, люблю арабов, но с ними очень тяжело, если не знаешь все входы и выходы. Право, я настаиваю: вы должны поехать к нам! Я буду очень рада. Пять месяцев в году я окружена сплошь мужчинами – иногда, знаете ли, не хватает женского общества.

Ее тон был уверенным, однако в то же время проскальзывала едва уловимая нотка ранимости, чуть ли не страха перед будущим. Казалось бы, четвертый сезон...

У Агаты сложилось ощущение, что у Кэтрин в этой поездке совсем иной настрой, чем у нее: при всех разговорах о любви к работе в пустыне ее ждала какая-то невысказанная угроза.

Глава 4

Милан – Венеция

Поезд грохотал по мосту через Тичино. Агата решила написать письмо дочери, разбив на части впечатления о каждой стране, через которую они проезжали на пути в Стамбул, где и собиралась отправить письмо.

Мысль о том, что она не увидит Розалинду целых три месяца, причиняла страдания. Если бы Агата не отправилась в это путешествие, то смогла бы пару раз навестить дочь во время осеннего семестра. В школе дозволялось забирать девочек по воскресеньям – максимум четыре раза за семестр. Разумеется, теперь эти строго отмеренные визиты придется делить с Арчи.

Навещать Розалинду взялась ее сестра Мэдж. Девочка любила тетю Мэдж, но от этого чувство вины перед дочерью не уменьшалось.

Перед ланчем поезд остановился в Милане, и некоторые пассажиры, включая Кэтрин и Агату, сошли размять ноги, пока меняли локомотив.

Снежные Альпы остались далеко позади, платформа была залита солнцем. Агата прикрыла глаза ладонью, выискивая давешнюю девушку из ресторана. Той нигде не было видно. Может, сошла до Милана? После завтрака была еще пара остановок – Бриг и Домодоссоло, названия незнакомые. Пустилась догонять мужчину, который сошел в горах?

Пока Кэтрин болтала о достопримечательностях Багдада, Агата в сотый раз мысленно повторяла, что ошиблась, что это никак не мог быть Арчи. Она даже представила себя прокурором, допрашивающим потенциального свидетеля в суде. Из двух случаев опознания первый происходил ночью на задымленной

платформе, а второй – вообще мимолетное отражение. Ни один суд присяжных не сочтет эти свидетельства убедительными, сурово отчитывала она себя.

Когда они вернулись в вагон, Агата уставилась на свое отражение в зеркале, мысленно ругая себя за то, что разволновалась из-за каких-то фантазий. Арчи сейчас на работе, за своим письменным столом. Обедать пойдет, скорее всего, в «Критерион» на Пикадилли, а вечером вернется в съемную квартиру в западном Кенсингтоне. Через несколько дней предстоит свадьба. С чего бы вдруг ему все бросать и куда-то ехать, тем более в одиночку, тем более на поезде? Арчи ненавидел поезда – не выносил транспорт, которым не мог управлять. Самолет или машина – пожалуйста, только не поезд. Ни за что.

Когда они отъезжали от станции, Кэтрин заявила, что слишком устала и не пойдет на ланч.

– Из-за этих противных клопов я всю ночь глаз не сомкнула! Пожалуй, закажу сэндвич и прилягу. Вы не возражаете?

Она сверкнула ослепительной улыбкой, явно давая понять, что желает получить купе в полное распоряжение на пару часов. Определенно, эта женщина привыкла добиваться своего.

Пробираясь по коридору в вагон-ресторан, Агата пыталась представить свою спутницу на раскопках среди пустыни – единственная женщина в мужском коллективе, а с ее внешностью проблем не избежать. Наверное, шарм в сочетании с железной волей был чем-то вроде брони, защитного механизма.

В обеденное время народу оказалось куда больше. Официант усадил Агату за столик с пожилой дамой из Канады; та рассказала, что едет навестить сына, работающего в нефтяной компании. Старушка оказалась туга на ухо, что существенно ограничило беседу.

– Не утруждайте себя разговором, – заявила она, размахивая насаженным на вилку венским шницелем. – Еда такая чудесная, что стоит уделить ей максимум внимания.

Агата заказала французский луковый суп, а после утиный паштет. К нему полагалось полбутылки кларета, который пришлось отправить назад: она плохо

переносила алкоголь. Однако Агата не успела привлечь внимание официанта – ее визави проворно цапнула бутылку.

– Можно я заберу? Приятно иметь что-нибудь под рукой, про запас. Не люблю беспокоить проводников по ночам.

Агата улыбнулась про себя, представив, как женщина наливает вино в стакан с зубными протезами.

Когда пожилая леди поднялась из-за стола, ее слегка покачивало. Агата предложила ее проводить, однако не прошли они и полдюжины шагов, как подскочил официант.

Возвращаясь на место, Агата зацепилась взглядом за знакомый профиль: утренняя девушка сидела через два столика, лицом к паровозу, уткнувшись в книгу. Даже если бы она подняла голову, ей пришлось бы неудобно вывернуть шею, чтобы увидеть постороннего наблюдателя, поэтому Агата медлила возвращаться за свой столик, решив получше разглядеть девушку. Правая рука лежала на столе, возле книги, но левая оказалась вне поля зрения. За завтраком Агата не успела заметить, было ли на ней кольцо.

Свадьба Арчи должна состояться в следующую субботу. Агата знала точный день – Розалинда проговорилась. Та хотела быть подругой невесты, но отец сказал, что свадьба будет скромной.

Она вернулась к недоеденному паштету, съела одну ложку и отодвинула тарелку. Ситуация так и не прояснилась.

Конечно, возраст подходит. И потом, было что-то навязчиво знакомое в ее лице... Наверное, просто давняя шапочная знакомая. Нет, не она, не Нэнси.

За окном простиралась водная гладь. Мелькнула табличка: «Лаго ди Гарда». Значит, скоро Венеция. По какой-то необъяснимой ассоциации на ум вдруг пришел Эркюль Пуаро. Интересно, что бы сделал бельгиец в такой ситуации?

Ответ пришел молниеносно: используй маленькие серые клеточки.

Да, разумеется, но как именно?..

Ирония ситуации: вот она, писательница, едет в поезде, который уже решила использовать в своих будущих романах, и ждет, когда воображение подскажет ей, что делать. Как это вообще возможно: создать персонаж, который на бумаге выходит умнее, наблюдательнее, сообразительнее ее самой?

После ланча Агата собиралась выпить кофе в салоне, чтобы потянуть время, пока Кэтрин отдыхает, но теперь решила остаться: хотелось посмотреть, куда пойдет девушка – это поможет определить, в какой стороне ее купе.

Агата присела сбоку и достала из сумочки пудреницу, отслеживая входящих и выходящих в зеркальце. Долго ждать не пришлось. Девушка вышла из-за стола, потом метнулась обратно за книгой и пошла в ту же сторону, где располагалось купе Агаты и Кэтрин.

Между паровозом и рестораном размещались всего два пассажирских вагона: первого класса и второго. Стала бы невеста Арчи ехать первым классом? Вряд ли. Агата давно подозревала, что деньги – ее деньги – были одной из причин его недовольства: независимая женщина с собственным доходом, она уже не была той девушкой, на которой он женился.

Пора вводить в действие вторую часть плана. Агата подозвала метрдотеля и сочинила легенду: якобы она мельком увидела знакомую, но боится подходить – а вдруг ошиблась?

– За каким столиком, мадам? – Он говорил с еле заметным акцентом – французским или еще каким.

Агата указала на столик, и он ушел к своей конторке в дальнем конце вагона, чтобы свериться со списком, пока она топталась в проходе, чувствуя себя матерой преступницей.

– Энн Нельсон, мадам.

Метрдотель вопросительно улыбнулся. Сердце гулко билось в груди; казалось, он все слышит и понимает.

Энн... Нет, этого недостаточно. Энн вполне могут звать Нэнси. В Торки она работала с женщиной по имени Нэнси, а в письмах на ее имя всегда стоял первый инициал «А». Одна из странных английских привычек: окрестить девочку Энн, а называть ее Нэнси; так же как мальчика зовут Джек, а на самом деле он – Джон.

– А... э... Нельсон... – промямлила она. – Кажется, это фамилия мужа...

Нет, у нее другая фамилия, но очень похожая: мисс Нил – кажется, так... Может, путешествует под выдуманной фамилией? Да ну, вряд ли.

А ты сама-то?

– Передать ей что-нибудь? – лучился улыбкой метрдотель. – Какая приятная неожиданность, не правда ли?

– Э... нет, спасибо. Я... э-э... лучше зайду сюрпризом. Не могли бы вы сообщить мне номер ее купе?

Агата самым бессовестным образом полагалась на общепринятые стереотипы: никому не придет в голову заподозрить в чем-то предосудительном женщину среднего класса в возрасте за сорок. И хотя ей не исполнилось сорока, в этих очках она вполне выглядела на этот возраст.

– Разумеется, мадам.

Метрдотель знаком подозвал одного из официантов и обратился к нему по-французски; тот проворно нацарапал номер в блокнотике, свисавшем с пояса. Агата оказалась права в своих предположениях: это был вагон второго класса, купе в дальнем конце, рядом с паровозом.

По пути в салон она лихорадочно соображала. Подойти к двери купе и постучаться? И что? Нельзя же в лоб спросить: дескать, это вы – любовница моего мужа? Или: а у вас фамилия настоящая?

Нет, прямолинейный подход ничего не даст, кроме неловкости. Тут нужна более тонкая стратегия: улучшить момент и завести случайный разговор – так больше

шансов, что девушка ненароком проболтается.

Официант усадил ее за единственный свободный столик, принес кофе и птифур[8 - Ассорти из мелкого печенья или пирожных.]. Агата откусила пирожное в форме сердца, и на язык брызнул малиновый джем – невыразимое наслаждение. В дальнем конце салона пианист ударил по клавишам: начальные ноты «Фантазии» Шопена. За окном возник городок на вершине холма: терракотовые крыши лепились вокруг старинной колокольни. Агата глянула на часы: до Венеции меньше часа. Восточный экспресс отправляется лишь в девять вечера, так что у нее куча времени на то, чтобы посмотреть город. Она давно предвкушала эту возможность; нельзя позволять гипотетической... как ее назвать... случайности портить долгожданные планы.

Служащий в агентстве Кука попытался навязать ей заранее оплаченную экскурсию, однако Агата была твердо намерена избегать подобных моментов: ей хотелось посмотреть город с речного трамвайчика, каким пользовались обычные горожане. У нее с собой имелся путеводитель, так что она рассчитывала справиться самостоятельно.

Неожиданно в голову пришла мысль: дождаться, пока та девушка сойдет с поезда, и последовать за ней на безопасном расстоянии, а там уже невзначай вступить в разговор.

Ты сошла с ума. Выброси эту ерунду из головы!

Голос Арчи, низкий и угрожающий.

Вспомнился последний вечер, когда он ушел из дома в ярости из-за ее отказа разводиться. Она никогда не забудет его взгляд – словно чужой человек поселился в когда-то родном теле.

Арчи требовал развода, однако наотрез отказался связывать имя Нэнси с бракоразводным процессом – вместо этого он собирался подстроить какую-то фальшивую встречу с подставным лицом в отеле.

Если бы он был честен, если бы у них с Нэнси хватило смелости признать свою связь, она бы сдалась гораздо раньше. Несправедливо и обидно – вдвойне! – что она вынуждена предстать перед судом, а Нэнси останется в тени, в стороне от

скандала. А когда пришлось сообщить Розалинде новость о том, что папа больше не будет жить с ними, ее родная девочка отвернулась и сказала:

- Папа меня любит - это тебя он не любит!

Мужской голос - настоящий, невыдуманный - вернул ее в реальность.

- Не возражаете, если я присоединюсь? - Юное загорелое лицо, улыбающиеся карие глаза, аккуратные усы. - Простите за вторжение, просто негде больше сесть.

- Да, конечно, пожалуйста!

Молодой, примерно одних лет с Джеком, ее племянником. Хотя тому уже скоро тридцать, сама идея подойти и заговорить с незнакомой женщиной его бы ужаснула. Зато незнакомец вел себя весьма непринужденно. Он рассказал ей, как давно мечтал посетить Венецию, и спросил, бывала ли она там раньше. Вскоре они уже сравнивали путеводители и обсуждали сравнительные характеристики гондол и вапоретто[9 - Венецианский водный трамвай.].

Тем временем пианист доиграл Шопена и с легким поклоном поднялся.

- Ах, какая жалость... - пробормотала Агата.

Ее спутник кивнул.

- Вы сами играете?

- Когда-то играла, теперь уже времени нет.

- Сегодня вечером в соборе святого Марка репетиция. Вам нравится Вагнер?

У Агаты загорелись глаза.

- Что играют?

– «Идиллию Зигфрида».

– А билет нужно покупать заранее?

– Вход бесплатный, но лучше прийти заранее, а то мест не будет.

Незаметно для себя Агата стала рассказывать ему, как однажды сестра Мэдж привела ее в «Ковент-Гарден» и представила самому Вагнеру. В отрочестве она мечтала стать Изольдой, сделать карьеру оперной певицы.

– Наверное, так на меня повлияла сцена смерти. Помните, когда поет душа. Казалось, я вижу крылья, их цвет...

Она умолкла, смутившись оттого, что делится фантазиями с незнакомцем.

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнул тот. – Иногда музыка так действует. Освобождает ум, не правда ли? Как будто дуешь на одуванчик.

Агата кивнула в ответ. Не похоже на разговор с Джеком, совсем не похоже. Интересно, что за жизнь ведет этот молодой человек? Что сделало его таким восприимчивым?

Юноша рассказал, что его бабушка пела в брюссельской опере партию Саломеи на премьере «Иродиады» Массне. Значит, музыка у него в крови. Агата невольно улыбалась: всего полчаса назад она вспоминала Эркюля Пуаро, а теперь увлечена разговором с усатым мужчиной явно бельгийского происхождения.

К ним подошел официант и сообщил, что через пять минут поезд прибывает в Венецию. Как быстро пролетело время!

– Желаю вам приятного вечера.

Незнакомец поднялся и протянул руку к голове, чтобы снять шляпу, которой не было. Поняв свою ошибку, он покраснел и поспешно удалился.

Лишь тут Агата вспомнила, что он так и не представился и не сказал, куда едет. Интересно, увидятся ли они еще?

* * *

Поезд замедлил ход, и Нэнси опустила шторы. Она не знала, виден ли Лидо из окна: даже мимолетного взгляда будет достаточно. Однако попытка заблокировать вид лишь разворошила тлеющие угли остальных органов чувств. Запах сырого песка, смех и музыка, просачивающиеся сквозь деревянные стены пляжного бунгало; вкус нагретой солнцем кожи, прикосновение его пальцев... Трудно поверить, что прошло больше полугода.

Она была так несчастна в свой медовый месяц – но тут появился он и спас от ее брака, обреченного с самого начала.

Это муж предложил через две недели после свадьбы отправиться в гости на итальянскую виллу, расписывал, как будет здорово. На самом деле все это было подстроено: вся затея – лишь искусный план обмануть ее самым мерзким способом. До чего же она была наивна! В первую брачную ночь Феликс был слишком пьян. Он пришел на следующий вечер, однако настоял на том, чтобы спать в своей комнате, а наутро не явился к завтраку. Две недели спустя Нэнси чувствовала себя униженной его постоянным безразличием. Только по приезде в Венецию правда наконец открылась.

На вторую ночь муж собирался допоздна играть в карты. Поздно ночью она решила удивить его сюрпризом и прокралась к нему в спальню, когда он, по расчетам, должен был лежать в постели. Он там и был – только не один.

Спотыкаясь, она выбежала во двор, оглушенная увиденным. На террасе в лунном свете сидел один из гостей – высокий красивый мужчина, с которым ее познакомили за день до того. Увидев ее, он вскочил, предложил свой платок и спросил, не поранилась ли она. Нэнси рассказала, что произошло. Он не задавал вопросов, лишь сидел и слушал молча.

Уже зашла луна и над морем поднялась утренняя звезда, когда они попрощались. Незнакомец поцеловал ей руку и долго смотрел в глаза, прежде чем уйти.

На следующий день он постучался в дверь ее комнаты и вошел с подносом: кофе и персики из сада. Она пригласила его войти, уверенная, что муж не станет ее

искать. Он смешил ее разными историями из жизни, а потом предложил искупаться. Вскоре это стало частью ежедневного ритуала.

На вилле Реццонико мало кто отваживался вылезать из постели раньше полудня. Нэнси поднималась каждое утро в восемь тридцать. На второй день он проплыл мимо под водой, проворный и гибкий, словно рыба, задев ее бедра плечом. Она чуть не потеряла равновесие, но он приподнял ее над волнами. Она нагнулась и поцеловала мокрый соленый лоб; он запрокинул ей голову назад, и вскоре их губы встретились...

Они лежали на песке у самого края воды; его пальцы повторяли изгиб ее руки, и кожа под ними горела. Они ничего не обсуждали, не планировали, однако на следующий день после купания он достал ключ от пляжного бунгало. Там пахло сухими водорослями и оливковым маслом: пустая бутылка лежала на деревянной скамье – единственном предмете мебели. Он разложил полотенце на песке, и они упали, переплетаясь руками и ногами, все еще скользкие после купания.

Три дня спустя они лежали в тени, поедая зеленые фиги и дыню. Неожиданно он взял ее за руку, его глаза затуманились.

– Милая, я должен тебе кое-что сказать...

И он рассказал о жене и дочери. Она резко села, вся дрожа.

– Мне надо было сразу все выложить, с самого начала. Но я так сильно тебя хотел...

Он испытующе заглядывал ей в лицо.

– Ты имеешь полное право меня презирать, хотя я не жалею ни секунды! А ты?

Она не успела ответить – неподалеку, у отеля «Эксельсиор» заиграл джазовый оркестр; хмельная женщина в розовой шелковой пижаме танцевала на песке.

– Нам пора, – сказал он, – а то опоздаем на ланч, и все заметят.

В тот день – это был их последний день на вилле – все фотографировались на пляже. Разлученная с ним, она была не в силах улыбаться. Снимок запечатлел ее напряжение: Нэнси напоминала загнанного зверька. А он смотрел прямо на нее беспокойным взглядом – похоже, сытый по горло шарадой, в которую превратился отдых.

А потом они встретились – две недели спустя в кинотеатре на Лестер-сквер. Это было несложно организовать: выяснилось, что они жили буквально в миле друг от друга. Если бы он не был так близко, если бы жил за сотни миль, кто знает – может, она смогла бы выбросить его из головы... Чистая пытка – смотреть на цветущие деревья Грин-парка, зная, что он совсем рядом...

Правда, теперь расстояние между ними росло с каждой минутой – он сел в ночной поезд до Кале, завтра уже будет в Лондоне, – а Багдад так далеко!

Мы будем вместе, обещаю...

Неужели он сказал это не всерьез?..

Нэнси легла и закрыла глаза.

* * *

Кэтрин так и не вставала с постели. Укрытая одеялом, она возлежала на подушках с раскрытой книгой.

– Вы не собираетесь выходить? – спросила Агата, доставая шляпную картонку.

– Нет, пожалуй. – Кэтрин зевнула и потянулась. – Я так и не смогла уснуть: повсюду хлопают дверьми. На стоянке будет потише. К тому же я видела Венецию раз пять.

Агата открыла дверцу над умывальником, проверяя отражение в зеркале. На губе красовалось пятно шоколада. Боже, что подумал этот молодой человек!

Повернув голову, она зацепила взглядом отражение лица Кэтрин в зеркале; контраст не улучшил ее настроения.

– Вы пойдете на экскурсию? – Кэтрин подняла голову от книги, пока Агата рылась в сумочке в поисках помады.

– Я не особенно люблю толпу – предпочитаю спокойно ходить в одиночку.

– Очень разумно, – одобрила Кэтрин. – Люди бывают ужасно утомительны, правда? Поскорей бы уж они все сошли!

Агата могла бы обидеться на эту ремарку, ведь она была непосредственной помехой тишине и покою, однако реплика сопровождалась столь милой улыбкой, что обижаться было невозможно.

– Интересная книга? – спросила она.

– О да. – Кэтрин вытащила закладку и закрыла книгу. – Хотя обычно я не читаю такие вещи.

Она положила книгу на столик у окна. Рисунок на обложке был знаком Агате не хуже собственной двери: элегантная нога в красной бархатной туфельке выступала из машины на тротуар; черные буквы на фоне грозового неба. Ее словно током ударило...

– Называется «Убийство Роджера Экройда». – Кэтрин деловито взбивала подушки. – Агата Кристи написала – ну та самая, которая сбежала в Харрогейт, а потом ее искала вся полиция Англии.

Агата рывком застегнула сумочку и схватилась за ручку двери, пробормотав что-то про посещение уборной перед остановкой. Добравшись до конца коридора, она заперлась в крошечной кабине и опустилась на сиденье. Поезд уже тормозил и вдруг слегка накренился. Агата трясущейся рукой ухватилась за поручень.

Глупая! Думала, что удастся сбежать...

Глава 5

Венеция

Поезд вздрогнул и остановился. Кэтрин подошла к окну, чтобы опустить штору. Пассажиры уже высыпали на платформу, горя желанием увидеть как можно больше за отведенные несколько часов. Она отодвинула краешек шторы, разглядывая толпу, и вскоре заметила его.

– Ах, Макс, – пробормотала она, – просто не смог удержаться, да, милый?

Он все-таки сбрил бороду, которую отращивал в прошлом сезоне! Усы идут ему больше. И похудел!.. Неплохо выглядит в этом костюме – совсем не похож на обтрепанного студентика, что присоединился к команде три года назад.

Кэтрин проследила за ним взглядом, пока он не исчез в толпе, и снова легла. В голове проносились картинки, словно в немом кино. Макс всегда был ее любимчиком. В первом сезоне она сразу очаровала его, гоняя за десять миль за сигаретами и сладостями; в награду ему разрешалось расчесывать ей волосы. У него это хорошо получалось: уверенно и в то же время нежно.

Когда они оставались наедине, атмосфера искрила электричеством. Ему явно хотелось прикоснуться к ней. Это ее возбуждало, однако он боялся переступить некую грань, зайти дальше дозволенного, и такая власть пьянила.

Закрыв глаза, Кэтрин представила его руки, скользящие по телу... Невинные фантазии безопасны, воображаемый человек не причинит вреда, а вот настоящий Макс, дай ему волю, может быть опасен.

Она не ожидала увидеть его в поезде: нет нужды выезжать так рано, он вполне мог остаться дома еще на неделю. Может, его пригласили на свадьбу? Не хотелось бы: ведь это не настоящее торжество, а всего лишь деловое соглашение.

Кэтрин широко распахнула глаза. Ей пришла в голову ужасная мысль: а вдруг Леонард пригласил Макса на роль шафера? И он будет стоять позади нее на церемонии и протягивать кольца? Это была бы чистой воды пытка!

* * *

Агата сошла с поезда одной из последних. Проходя мимо купе таинственной незнакомки, она задержалась и прислушалась. Шторка на двери была опущена, изнутри не доносилось ни звука. Разве что постучаться?

Выходя из здания вокзала, Агата попыталась выбросить Энн Нельсон из головы. Ее ждет самое большое в жизни приключение – о таком можно только мечтать, если нет средств; нельзя позволить страхам его испортить.

Чего ты, собственно, боишься?

С самого отъезда этот вопрос то и дело всплывал в голове. Одиночество, тоска по дому – сперва страхи казались простыми, однако в поезде они вышли на новый уровень: теперь она боялась, что прошлое село в поезд вместе с ней и сердечная боль рано или поздно ее поглотит.

Прогуливаясь по мощеным улочкам, Агата вдыхала причудливую смесь пыли, кофе и сигарет: континентальный запах, совсем не такой, как дома. Несмотря на мрачные мысли, в глубине души кольнуло радостное предвкушение.

Агата встала в очередь в ожидании вапоретто. К несчастью, прибытие «Восточного экспресса» в Венецию совпало с окончанием учебного дня в школе; казалось, полгорода спешит домой. При виде группы девочек возраста Розалинды у Агаты сжалось сердце.

Судно причалило к пристани, толпа потащила ее вперед. Ей повезло занять место: многие, включая женщин, остались стоять, цепляясь за что попало. Молодые люди преспокойно сидели, и не думая уступать.

Агата уже начала раскаиваться в своем решении, но тут лодка вышла в Гранд-канал, и она невольно приоткрыла рот, захваченная движущейся картинкой: орнаментальные фасады зданий из камня и позолоченного дерева, цветы на

балконах, музыка с плавучих ресторанчиков, гондолы, скользящие вдоль узких полос зеленой воды...

По плану она рассчитывала высадиться на мосту Риальто и пройтись по сувенирным лавочкам, а потом направиться в сторону площади Сан-Марко, но увидела табличку с указателем «Рыбный рынок» и решила выйти раньше. Вскоре она запуталась в лабиринте узких, извилистых улочек, перемежающихся шаткими деревянными мостиками. Указатели постепенно исчезли, и Агата поняла, что заблудилась. Отрезанная от шумного центра высокими влажными стенами старых домов, она вдруг ощутила зловещую тишину – каждый шаг отдавался гулким эхом. Мощеная улица привела к запертым воротам.

Обернувшись, Агата заметила в окне мужчину, наблюдавшего за ней; от его взгляда у нее внутри все сжалось. Она застыла, буквально парализованная зловещей ухмылкой, что расплзалась по его лицу. Внезапно рука мужчины потянулась к ширинке.

Агата опустила голову и что есть силы бросилась назад; стук подошв резонировал в такт с бьющимся сердцем. Добежав до моста, она согнулась над деревянными перилами, пытаясь отдышаться. Навстречу скользила гондола, но живописное зрелище было безнадежно испорчено.

Лодка подошла ближе, и можно было разглядеть парочку, сидящую за гондольером. Они целовались; он гладил ее по волосам и что-то шептал на ухо. Уже перед самым мостом мужчина поднял голову и... У него оказалось лицо Арчи, обрамленное несуразными черными волосами. Ну конечно же, это не он! Пара походила на итальянцев или испанцев, но никак не англичан. И все же лицо...

Агата вывернула шею, не сводя с пары глаз, пока гондола не исчезла за поворотом. В этот момент она поняла, чего боится больше всего: потерять рассудок.

Спотыкаясь, Агата брела по улицам в надежде выйти к каналу. Намерение увидеть площадь Святого Марка уже отпало – лишь бы добраться до уютной безопасности «Восточного экспресса». Внезапно на глаза попала табличка в форме стрелы: Piazza San Marco[10 - Площадь Сан-Марко (ит.)], и она решила следовать в указанном направлении – так хотя бы больше шансов выйти на

центральные улицы.

Вынырнув из каменного туннеля, растянувшегося над мостовой, Агата замерла от неожиданности: перед ней раскинулась широкая площадь, всюду сновали люди и голуби. Последние лучи заходящего солнца падали на позолоченные стены собора Святого Марка. Древние камни сияли, словно портал в небесный город, охраняемый крылатым львом.

В проеме центральной арки Агата глянула на часы: репетиция наверняка уже началась. Она помедлила в нерешительности. После развода у нее разладилось с церковью, появилось ощущение чужеродности, неприкаянности. Она даже перестала ходить к причастию – не то, чтобы разуверилась, скорее наоборот, Он разуверился в ней. Разведясь с Арчи, она подвела Господа, нарушила святой обет и хотя иногда заходила в церковь, чувствовала себя незванным гостем.

Несмотря на колебания, Агата все же направилась к базилике, словно ее тянули невидимые руки. Пройдя под мозаичной аркой, она вступила в прохладный полумрак.

Глаза медленно привыкали к темноте. Порывшись в сумке, Агата вытащила шелковый шарф и повязала на голову.

Опять спрячемся?

Насмешливый голос Арчи.

В полутьме двигались фигуры: зажигали свечи, крестились, опускались на колени для молитвы. Ощущение чужеродности усилилось, и лишь музыка удержала на месте: меланхоличный напев скрипки – ровно в тон ее чувствам.

Пройдя чуть дальше, Агата невольно запрокинула голову: купола и своды покрывала роскошная позолоченная мозаика – словноходишь в пещеру, полную сокровищ. Серебряные лампы бросали на окружающий интерьер причудливые блики. Экзотические птицы, рогатые демоны, апостолы с дикими глазами в бурном море, Иоанн-Креститель, достающий Иисуса из реки со змеями...

Звуки музыки исходили из бокового придела, слева от нефа. Агата неуверенно двинулась туда, но путь ей преградил слугитель в форме.

- Mi dispiace, non ci sono posti a sedere[11 - К сожалению, сидячих мест нет (ит.)].

Агата непонимающе нахмурилась.

- Мест нет. - Словно из ниоткуда возник давешний молодой человек с поезда. - Можно сесть там, за ширмой.

Агата последовала за ним вокруг колонны, и действительно, в проемах между фризами из резных деревянных драконов и львов, охраняющих вход в часовню, было видно солиста.

- Присаживайтесь, прошу вас. - Молодой человек жестом указал на единственный стул.

- Но это же...

- Нет, правда, я только рад постоять - насиделся в поезде.

Он сверкнул белозубой улыбкой под темными усами.

Стул, хоть и древний, с высокой спинкой, оказался весьма удобным. Агата прислонилась головой к прохладному дереву и рассеянно скользила взглядом по золоченому потолку, позволяя музыке заполнять ее целиком. Казалось, душа отделяется от тела и воспаряет вверх, к загадочным существам. Пожалуй, впервые с момента отъезда она почувствовала себя в безопасности, вдалеке от мучительных голосов и преследовавших ее всю дорогу лиц-наваждений.

Если Господь существует, то музыка - его язык. Агата закрыла глаза, чтобы не отвлекаться, и лишь вдыхала древний, успокаивающий запах старой церкви, отполированного дерева, тающего воска, застоявшегося ладана. Она даже успела задремать, когда голос позади вернул ее к реальности.

- Вы хорошо себя чувствуете?

Перевернутое лицо, черная стрелка усов пронзает нос... Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить: он склонился над ее стулом, оттого и голова набок.

– Вам понравилось?

Темные, как ягоды терновника, прищуренные глаза в этом ракурсе приобрели некий восточный флер.

– Да, очень!

Агата поспешно вскочила, надеясь, что он не заметил ее позорной дремоты.

– Не знаю, как вы, а я умираю от жажды. Не хотите ли чего-нибудь съесть или выпить? У нас еще целый час.

Агата на долю секунды заколебалась. Если бы предложение исходило от мужчины ее возраста или старше, можно было бы подозревать скрытый умысел, но юноша так молод и предложил так простодушно, что она спокойно согласилась. К тому же она в чужом городе, никто ее тут не знает...

– Прошу прощения, я так и не представился. – Он протянул руку. – Макс Маллоуэн.

– Аг... Мэри, – поправилась она. – Мэри Миллер.

Он отпустил ее руку и слегка поклонился.

– Куда бы вы предпочли – в бар или в ресторан?

– Ну... не знаю. Я не очень голодна, но бары как-то не по мне... – Она умолкла, боясь показаться неблагодарной и смешной.

– Вы любите мороженое?

Агата кивнула с куда большим энтузиазмом.

- Неподалеку есть отличное местечко.

Когда они вышли наружу, было уже темно. Молодой человек повел ее через площадь, свернул на улочку, заперуженную лавками, где продавали всякую всячину – от сигар до карнавальных масок. Пересекли мост, ведущий к каналу Гвидекки, и вышли к кафе на берегу: свечи на столиках, немыслимое разнообразие мороженого в меню.

- Вы пробовали фисташковое? Очень вкусное. А если вам нравится ликер, возьмите «Амаретто».

Агата призналась в непереносимости алкоголя. Новый знакомый сочувственно покачал головой.

- У меня в Оксфорде была обратная проблема: слишком много кларета и недостаточно усидчивости, как говорили мои наставники.

Агата непроизвольно моргнула. Джек, ее племянник, учился в Оксфорде – возможно, даже в одно время с ним. Она уже собиралась спросить, когда мистер Маллоуэн окончил колледж, однако передумала: опасно упоминать Джека – так можно себя выдать. Вместо этого она рассказала, как они с матерью на отдыхе в Корнуолле заказывали по полпинте[12 - Английская пинта – чуть больше полулитра.] сливок в качестве альтернативы вину.

- И выпивали?

- До последней капли. Теперь это мой любимый напиток.

Он рассмеялся.

- Интересно, в «Восточном экспрессе» такое подают?

- Наверное, дали бы, если бы я попросила, только я не смею – боюсь, сочтут обжорой.

- Я считаю, на отдыхе можно позволять себе все, что хочется. – Молодой человек широко улыбнулся. – А поскольку здесь вряд ли подают сливки, я настаиваю,

чтобы вы заказали два мороженых в качестве компенсации.

Довольно странное ощущение: он гораздо моложе, а обращается с ней как с ребенком. С другой стороны, юное лицо Макса скрывало мудрую душу, по выражению ее матери. Несмотря на разницу в возрасте, он казался значительно старше ее.

После долгих мучительных размышлений Агата остановила свой выбор на вкусе *cioccolato fondente*[13 - Горький шоколад (ит.)], а к нему *dulce de leche*[14 - Соус из уваренного молока с ароматическими добавками, более жидкий аналог отечественного сгущенного молока (буквально - «десерт из молока» (исп.))] - божественное сочетание для сливочного маньяка. Макс выбрал *crema dei Dogi*[15 - Венецианский десерт (буквально - «сливки дождей» (ит.), правителей Венеции в VII-XVIII вв.)]; по его словам, вкус напоминал патоку с ноткой марсалы[16 - Сицилийское десертное вино.].

За едой он поинтересовался, куда она направляется.

- Поездом в Дамаск, потом в Багдад. А вы?

- Я схожу в Триесте. Вообще-то я еду в том же направлении, но сперва нужно съездить в Бейрут забрать кое-что. - Он зачерпнул очередную ложку. - У вас в Багдаде семья?

Агата выдала ему ту же легенду, прибавив, что надеется посетить Ур. Макс заметно оживился.

- Так я как раз туда и еду! Я работаю на раскопках.

Удивительное совпадение! Агата рассказала, что едет в одном купе с его коллегой, и тут же заметила странность: на секунду собеседник слегка изменился в лице, как будто в мороженое попала муха. Всего лишь мимолетный взгляд, поспешно спрятанный под улыбкой, но актером он был никудышным.

- А, так вы в одном купе с миссис Килинг? Я и не знал, что она в поезде - думал, поедет морем. - Молодой человек старательно выскребал ложечкой остатки со дна. - Ну и как вы с ней уживаетесь?

Агата чуть помедлила с ответом.

– Очень обаятельная личность. – Макс не поднимал глаз, и ей никак не удавалось разглядеть выражение его лица. – По-моему, у нее была весьма интересная жизнь.

– Это верно. В высшей степени примечательная личность. Кстати, скоро сменит фамилию: теперь придется называть ее миссис Вулли.

– Миссис Вулли? Так она...

– Вот именно. Выходит за нашего уважаемого босса. В следующий вторник, в англиканской церкви на Хайфа-стрит.

Агата озадаченно покачала головой.

– Странно, что Кэтрин об этом не упомянула. Столько о себе рассказывала – о раскопках, о мистере Вулли, – и ни разу не заикнулась о том, что выходит замуж.

Макс лишь пожал плечами: то ли не знал, то ли не хотел разглашать причину сдержанности Кэтрин. Глянув на часы, он ловко сменил тему.

– Пожалуй, нам пора – уже пять минут девятого.

– Ох! – Агата встревоженно засуетилась. – А вы знаете дорогу? Я ужасно заблудилась по пути сюда.

– Не волнуйтесь, мы возьмем такси.

Едва они подошли к воде, тут же причалила лодка. На этот раз, к счастью, толпы не было, и они спокойно уселись. Когда веревка скользнула в воду, Агата обернулась посмотреть на мягко освещенные фасады зданий на противоположном берегу. Мимо всего в нескольких метрах проплыла гондола. Еще одна парочка – держатся за руки, улыбаются пассажирам. Мужчина поднял руку и неловко помахал. Агата силой заставила себя взглянуть на него, опасаясь давешних галлюцинаций. К ее невыразимому облегчению, лицо мужчины осталось прежним – ни следа Арчи в глазах, скулах, линиях рта.

Внезапно Агата поняла, что за это нужно благодарить молодого человека, сидящего рядом. С помощью музыки и мороженого ему удалось преобразовать зловещее впечатление от города в приятное, радостное. Гондола растворилась в ночи, и Агата испытала необъяснимое ощущение покоя.

В темноте путешествие по Гранд-каналу приобрело особый флер волшебства. Фонари проливали на черную воду разноцветные пятна, отстающая штукатурка сияла в лунном свете. Иногда в поле зрения попадали элегантно одетые господа или уличные артисты.

Макс почти всю дорогу молчал – за исключением редких замечаний – и только на перроне вдруг ошаршил ее неожиданным заявлением.

– Большая просьба: не говорите, пожалуйста, миссис Килинг, что видели меня в поезде, ладно? – Он огляделся по сторонам, словно боялся, что Кэтрин вот-вот появится. – Только не сочтите меня невоспитанным – просто я предпочел бы избегать ее общества до начала работы.

– Позвольте спросить, почему?

Макс застенчиво улыбнулся.

– Не обещаю ответить честно. Не хочу влиять на ваше мнение о ней своими личными предубеждениями.

– Можете не рассказывать, если не хотите, – предложила Агата. – Я услышала достаточно и могу представить, каково вам всем торчать месяцами на такой жаре, в замкнутой группе...

Макс тихонько покачал головой.

– Кэтрин – прекрасный художник и отличный пресс-агент; если бы не она, у нас бы давно закончились спонсоры. Беда в том, что в ней слишком сильна потребность... – Он умолк, задумчиво потирая подбородок. – Потребность контролировать людей. Опутывает тебя чарами, оглянуться не успеешь, как становишься ее рабом. Будьте осторожны, – добавил он, криво улыбнувшись.

Агата не успела ответить – Макс приподнял шляпу и повернулся к своему вагону.

– Благодарю за компанию, миссис Миллер. Надеюсь, скоро встретимся.

И с этими словами он удалился.

Глава 6

Венеция – Триест

Нэнси отослала проводника, пришедшего предложить ей ужин. Конечно, надо бы поесть, однако сил не было. Чтобы отвлечься, она порылась в сумочке и достала письмо Делии.

Если кузина и удивилась решению Нэнси нанести ей визит, то вида не подала. В письме фигурировали планы походов в экзотические рестораны, в театр и в теннисный клуб.

Крупный, смелый почерк Делии – характерная черта женщины, бросившей вызов условностям и выполнявшей мужскую работу на чужбине. Нэнси всегда перед ней благоговела, с детства. Делия была на двенадцать лет старше, лучшая ученица в школе. В восемнадцать она поступила в Кембридж, где изучала классические языки, а в свободное время еще и фарси.

Когда началась война, МИД завербовало Делию на столь засекреченную работу, что даже родители не знали, где она. В мирное время ее направили в Багдад. Нэнси толком не поняла, чем занимается кузина; по словам дяди Роулэнда, присматривает за местными.

Больше всего Нэнси боялась, что Делия узнает истинную причину визита и тут же вышвырнет ее вон. Отложив письмо, она безотчетно обводила пальцами причудливые узоры платья в том месте, где живот слегка выступал. Даже не верится... В последние несколько недель Нэнси ощущала внутри слабое шевеление. Это напомнило ей случай из детства: в камин залетела малиновка;

пытаясь локтем открыть окно, чтобы выпустить птичку, она чувствовала трепыхание крылышек в кулаке.

Как хорошо, что придумали трикотажные платья и свободные жакеты с большими карманами! Нэнси совершенно не хотелось врать кухне, однако и скандальную правду тоже нельзя обнародовать. Она заготовила легенду: дескать, сбежала из Англии, спасаясь от жестокого мужа. Конечно, врать нехорошо, но от этого зависит дальнейшая судьба, ведь у Нэнси никого не осталось, кроме Делии. Жизненно важно получить ее в союзники, убедить в том, что другого выхода не было.

Пронзительный гудок паровоза смешал все мысли. Поезд тронулся. Вскоре темнота за окном милосердно скрыла напоминания о самых счастливых и самых несчастных днях ее жизни.

Когда поезд уже набирал скорость, раздался стук в дверь.

– Мадам?

Опять проводник! Какой внимательный, заботливый... Почему он не может оставить ее в покое?

– Спасибо, все хорошо, – повысила она голос. – Мне ничего не нужно.

– Мадам... – Голос стал громче, в нем добавилась тревожная нотка. – У меня для вас телеграмма.

Нэнси вскочила с постели с бьющимся сердцем. Он передумал! Решил все-таки поехать с ней! Наверное, отправил телеграмму, как только сошел с поезда.

– Благодарю вас!

Трясущимися руками она взяла бланк, закрыла дверь и развернула жесткую бумагу.

Слова плыли перед глазами.

«ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ СМЕРТИ ДЕЛИИ ГРЭНФИЛД».

* * *

Кэтрин ужинала в купе: на подносе остатки фаршированных яиц и чашка вальдорфского салата[17 - Главные ингредиенты – яблоки, сельдерей, орехи.].

– Ну как вам понравилась Венеция?

– Потрясающе! – Агата сняла шляпку и повесила на краешек багажной полки. – Правда, ужасно устала. Вы не против, если я лягу?

Проводник уже преобразовал купе на ночь, опустив полку и прицепив сбоку лесенку. Кэтрин не соизволила поинтересоваться желаниями спутницы, явно пометив нижнюю полку как свою территорию. Впрочем, Агата не возражала, предпочитая уединение верхней полки. Она собиралась раздеться лежа, если удастся, чтобы не устраивать стриптиз перед соседкой.

– Вы не голодны? – Кэтрин отодвинула поднос и взяла книгу. – Скоро придет проводник – заказать вам что-нибудь?

– Нет, спасибо. – Агата открыла шкафчик с раковиной и вытащила из стакана щетку. – Я наелась восхитительного мороженого.

– Не возражаете, если я еще немного почитаю? Сна ни в одном глазу!

Против этого Агата тоже не возражала: она обладала счастливой способностью быстро засыпать где угодно и редко просыпалась. Прошлая ночь не считается – все-таки она впервые спала в поезде, целое приключение!

Убирая щетку, она заметила в зеркале отражение книги. Судя по количеству страниц, Кэтрин уже дочитала «Убийство Роджера Экройда» до середины. Подумать только, даже не подозревает, что автор романа крепко спит у нее над головой!

Агата вскарабкалась наверх, легла и принялась раздеваться, стараясь не стучать локтем о стены. Когда она, извиваясь червяком, пыталась пролезть в ночную рубашку, снизу раздался голос Кэтрин:

- Как вы думаете, она и вправду потеряла память?

Агата молчала, охваченная паникой.

- Ну та писательница, Агата Кристи, - продолжала Кэтрин. - Или это все притворство?

Агата осторожно выдохнула.

- Я... м-м... мало знаю об этом деле, - промямлила она.

- Да что вы! Во всех газетах писали! Конечно, нельзя верить всему, что пишут... По-моему, брошенная машина - своего рода крик о помощи, как вы считаете?

Язык словно прилип к гортани. Агата замерла с рубашкой вокруг талии, прикидываясь спящей.

- Я думаю, амнезия была идеей мужа: чертовски удобная дымовая завеса - кто его знает, что там на самом деле произошло...

Зашуршали простыни; может, Кэтрин и не ждет ответа, размышляет вслух по ходу чтения. Агата по-прежнему не шевелилась, опасаясь выдать себя малейшим движением.

Много позже - казалось, прошла целая вечность - Кэтрин наконец выключила свет, и Агата задремала.

Среди ночи она вдруг проснулась и резко села, задев головой потолок - нестерпимо хотелось облегчиться. Тут она вспомнила, что в спешке забыла посетить уборную перед сном.

Агата свесила ноги и нашарила лестницу. Ступеньки скрипнули под ее тяжестью, и она замерла, прислушиваясь. Снизу доносилось ровное дыхание

Кэтрин. Агата спустилась на пол и нащупала дверную ручку. Она ни за что не решилась бы выйти из купе в одной сорочке, но где искать халат в такой темноте? И где очки? Мысленно застонав, Агата вспомнила, что сунула их под подушку. Только бы не встретить никого в коридоре!.. Который час? Наверное, проводник уже закончил обход и лег спать.

Свет в коридоре приглушили, оставив необходимый минимум для ночных походов в уборную. Во всех купе темно – видимо, уже глубокая ночь. Однако в конце коридора что-то мелькнуло, и сердце упало – неужели уборную успели занять?

Агата замерла в нерешительности, и тут ее лицо обдал внезапный порыв ледяного ветра, – в конце вагона открыли то ли окно, то ли дверь. Что они там, с ума посходили?.. Обхватив руками вздымающуюся сорочку, Агата решительно зашагала к источнику сквозняка, но подойдя ближе, вдруг замерла как вкопанная. Это была та самая девушка, Энн Нельсон. Она высунулась из окна, ветер облепил лицо волосами, побелевшие пальцы на ручке двери. Агату осенила ужасная догадка: собирается выбраться!

На долю секунды в голове пронеслось:

Вот и хорошо.

Нэнси умрет, и Арчи будет свободен.

Отмахнувшись от этой мысли, Агата побежала по коридору. Дверь распахнулась, металл лязгнул о металл. Силуэт девушки выделялся на фоне облаков.

– Нэнси! – Рев ветра заглушил ее голос. – Не надо!

Незнакомка резко обернулась. Агата обхватила ее за талию, пытаясь оттащить от двери, однако внезапный порыв ветра сбил ее с ног, она почувствовала, что падает. Уже виднелась земля внизу, камни, блестящие в лунном свете. Она взмахнула руками, ища, за что бы уцепиться... Неожиданно тело дернулось в сторону, словно ее подхватила невидимая рука. Последнее, что она помнила – удар головой о поручень и темнота...

Глава 7

Загреб – София

Ей снился Торки, сад, полный цветущих нарциссов. Они с Арчи нарядились для скачек; вдруг он протянул руку и поменял местами их шляпы. Поля налезли ей на глаза, и когда она сдвинула шляпу, то увидела, как он улыбается из-под вуали и шелковых маргариток. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. «Боже, до чего я тебя люблю!» – воскликнул Арчи, но тут его шляпа снова съехала ей на лицо, стало нечем дышать... А потом она падала куда-то – мимо нарциссов, в холодную, темную землю; мимо костей Тони, ее терьера; мимо червей размером с пожарный шланг и ухверток с клыками... Вниз, все дальше и дальше...

В чувство ее привел металлический запах йода. Агата открыла глаза и увидела за окном голубое небо. Прямо над ней нависало лицо Кэтрин; белокурый нимб волос делал ее похожей на ангела.

Она промокнула рану; Агата поморщилась и рефлекторно поднесла руку к голове.

– Нет-нет, не трогайте. – Голос Кэтрин звучал по-другому, мягче обычного.

– Я... Она...

Агата попыталась сесть, в голове царил полный хаос.

– Не надо ничего объяснять. – Кэтрин обняла ее за плечи и уложила обратно на подушку. – Я все видела. Раздался страшный грохот, и я выбежала в коридор. Повезло вам – чудом не свалились. Вы спасли ей жизнь.

– Так она?..

– В порядке. Отделалась парой синяков. Вы ее знаете?

Агата отвела взгляд. У нее нет никаких доказательств.

– Досточтимая Энн Грэнфилд. – Кэтрин достала из зеленой жестяной коробочки повязку и наложила ей на лоб. – В прошлом сезоне – дебютантка года по версии «Татлера»[18 - То есть признана ведущим британским журналом о светской жизни лучшей среди девушек, только что вышедших в большой свет.], красовалась на обложке «Вога». В этом году вышла за виконта Нельсона – в апреле или в мае, кажется. Интересно, что пошло не так?

Агата зажмурилась – и не от йода. Новости Кэтрин ощущались как удар под дых. Так, значит, это вовсе не любовница ее мужа, а просто какая-то другая Нэнси: светская красавица, чье лицо стало публичной собственностью – по крайней мере, теперь понятно, почему она показалась смутно знакомой.

Но кто же тот мужчина? Агата готова была поклясться, что видела своего бывшего мужа. Мог ли Арчи связаться с женой виконта? И не потому ли так отчаянно старался не упоминать ее фамилию в процессе развода? И если это был он, то зачем Нэнси убивать себя, ведь они только что попрощались?..

Агата осторожно приоткрыла глаза – в окно слепило солнце. Интересно, сколько времени прошло и в какой стране они находятся?

– Лежите-лежите, не вставайте.

– Я хотела... – Агата снова опустила голову на подушку. – Где мы?

– В Югославии – недавно пересекли границу. – Кэтрин глянула на часы. – Вы недолго пролежали без сознания. В Триесте привели врача. Впрочем, вы, наверное, не помните.

Агата нахмурилась.

– Нет... Я... И что он сказал?

– Что у вас, возможно, сотрясение мозга и за вами надо присматривать. Как вы себя чувствуете? Не тошнит, надеюсь?

Агата дотронулась до виска. Болит или не болит? Рана от удара о поручень, конечно, ноет... Тут она непроизвольно охнула.

– Что, что такое? Больно?

– Я... Нет... Очки... Вы не видели мои очки?

– Вот они – проводник нашел, когда убирал постель.

Кэтрин протянула ей очки в роговой оправе. В ее глазах Агата прочла намек на улыбку, которая могла означать что угодно – или ничего. Может, Кэтрин рассмотрела ее фотографию на обложке книги и узнала?

– Я посижу тут и почитаю, если вы не возражаете, – сказала Кэтрин, и в ее голосе не было ни малейшей иронии. – А вы закройте глаза и попытайтесь уснуть. Через час-другой, если станет получше, закажу нам что-нибудь поесть.

На Агату вдруг нахлынула усталость, как будто слова Кэтрин обладали гипнотической силой. Делать нечего: если обман раскрыт, с последствиями разберемся потом. Прямо сейчас ей хотелось только одного: забвения.

* * *

Нэнси натянула простыню на лицо. Ей ужасно хотелось остаться одной. Увы, в купе прочно обосновалась устрашающего вида итальянка в тесно прилегающем голубом мундире железнодорожной компании.

Итальянским Нэнси владела не лучше, чем итальянка – английским, так что разговор получился весьма ограниченный. Впрочем, объяснений не требовалось: синьорину Тедадьди явно приставили караулить неудавшуюся самоубийцу.

– Ты спать, нет?

Это прозвучало чуть ли не как приказ, несмотря на добрые намерения охранницы. Впрочем, Нэнси было не до сна – голова горела, как в огне.

А если бы ей удалось? Если бы та женщина не успела ее схватить? Теперь, в безопасности купе, она уже ни в чем не была уверена – разве только в том, что рада остаться в живых, независимо от последствий. Стоя в распахнутом дверном проеме, на ледяном ветру, вышибающем дух, она вдруг почувствовала знакомое трепыхание в животе, как будто наполовину сформировавшееся существо трясло прутья клетки, пытаясь привлечь к себе внимание. Тогда она поняла, что не имеет права на столь отчаянный шаг – ведь от нее зависит еще одна жизнь.

Нэнси закрыла глаза, думая о спасительнице. В памяти сохранились лишь сумбурные обрывки: белый хлопок, развевающийся на ветру, словно парус, женщина в ночной сорочке на пути в уборную... Если бы она не проснулась, если бы не вышла из купе...

Нэнси судорожно вдохнула. Интересно, а что она сама стала бы делать в подобной ситуации? Хватило бы у нее духу помешать незнакомому человеку спрыгнуть с поезда на полном ходу?

Кто бы ни была та женщина, она здорово поранилась. При воспоминании об этом Нэнси непроизвольно вонзила ногти в ладонь: разбитая голова, капли крови на рубашке... Надо срочно ее разыскать, умолять о прощении и поблагодарить. Да, поблагодарить: несмотря на панику, вспухающую изнутри каждый раз, когда она пыталась думать о будущем, жить, несомненно, стоило – и было ради чего. Вдруг нахлынуло нестерпимое желание рассказать доброй самаритянке, что она спасла не одну жизнь, а целых две.

Нэнси приоткрыла глаза на долю дюйма, покосившись на свою итальянскую сиделку. Та писала что-то в блокнот. Интересно, нужно ли просить разрешения выйти из купе? Возможно, синьорине Тедадьди приказали сопровождать ее до самого Дамаска. Вполне объяснимо: компания хочет избежать дурной славы. А вот в Багдаде ее никто не ждет – сойдя с поезда, она будет предоставлена сама себе.

При мысли о кухне перехватило горло. Последний раз они виделись два года назад: Нэнси провожала Делию на вокзале после отпуска. Помнится, они смеялись над парочкой моряков, которые высовывались из вагона и посылали воздушные поцелуи.

– Приезжай в гости! – крикнула Делия, поднимаясь по ступенькам. – Устроим вечеринку!

Нэнси улыбалась и махала до тех пор, пока дым не отогнал ее с края платформы. Слово «Багдад» звучало так странно, так чужеродно. Слушая рассказы Делии о тамошней жизни – о жаре, насекомых, местных с выводком жен, – Нэнси думала про себя: вот уж никогда бы не поехала туда отдыхать!

Невозможно поверить в смерть Делии! Она с такой страстью отдавалась работе, была так влюблена в жизнь... В телеграмме причина смерти не упоминалась. Интересно, кто ее отправил? Наверное, кто-нибудь из британского консульства, где работала Делия. Может, обратиться к ним – вдруг помогут найти жилье на первое время, пока она не решит, что делать дальше. В конце концов, это их работа – помогать британским гражданам в затруднительном положении, разве не так? А положение хуже, чем у нее, трудно выдумать.

* * *

Кэтрин разглядывала спящую Агату. В ярком солнечном свете стало заметно, что волосы, откинутае со лба, у корней другого цвета. Отросли всего на долю дюйма, с окрашивания прошло не больше недели; и все же вполне достаточно, чтобы стало ясно: Мэри Миллер не была от природы рыжей.

Кэтрин открыла титульную страницу с портретом автора и поднесла книгу как можно ближе к лицу спутницы. Да, нос тот же самый: крупный, римский, но не сказать, чтобы некрасивый. Широкая линия рта, нижняя губа чуть полнее верхней. И брови: если бы Кэтрин рисовала ее лицо, бровям она уделила бы особое внимание. Ничего искусственного – никаких выщипываний, косметики. Брови разлетались над глазами, словно крылья чайки; концы заходили за линию ресниц на добрых полдюйма.

Конечно, трудно утверждать наверняка. Как будто рассматриваешь артефакты пустыни, полузасыпанные песком. Кэтрин привыкла собирать целое из кусочков, наметанным глазом определяя, чего не хватало. Глядя на спящую женщину, она мысленно видела, как фотография из книги переносится на лицо, накладываясь на плоть.

– Это ведь ты, правда? – прошептала она.

* * *

Агата проспала всю Югославию и очнулась лишь на границе с Болгарией. На платформе стояла палатка с черно-белыми колбасками, наваленными рядом с дымящейся жаровней. Мимо окна прошла женщина с подносом, на котором лежали кусочки чего-то похожего на запеченную тыкву, приправленную орехами и глазурью. Глянув на часы – половина третьего, – Агата вдруг почувствовала волчий голод.

Впрочем, Кэтрин это предвидела. Она тут же вызвала проводника, и тот принес тарелку изящно сервированных сэндвичей, а к ним – шоколадный мусс.

– Хорошо, что у вас проснулся аппетит. Какие планы на вечер? До ресторана дойдете?

– Пожалуй, – кивнула Агата. – Только куда ж я с этим? – Она коснулась рукой лба, ощупывая повязку. – Я, наверное, выгляжу как страшилище.

– А мы прикроем чем-нибудь. У вас есть шарф?

– Нет, только шляпки.

Кэтрин покачала головой.

– Ничего, у меня есть шарф – сиреневый с черными блестками. У вас найдется что-нибудь подходящее по цвету?

– Разве что черная накидка...

– Отлично! – резюмировала Кэтрин. – А других очков у вас нет? Эти вам ну совсем не идут.

– Э... я... – У Агаты перехватило горло.

– У вас очень красивые глаза, не стоит их прятать.

Кэтрин вновь улыбнулась загадочной улыбкой Моны Лизы. Провоцирует ее на признание? Или это ее обычный прямолинейный стиль общения?

К счастью, в дверь постучал проводник с букетом белых роз и французской лаванды.

– Для вас, мадам, – сказал он, протягивая ей карточку.

– От нее? – поджала губы Кэтрин.

– Да. – Агата прочла вслух: – «С глубокой признательностью и пожеланиями скорейшего выздоровления. Надеюсь лично поблагодарить вас, когда вы поправитесь. Нэнси Нельсон».

– Вряд ли эта особа посмеет показаться на ужине. – Кэтрин достала сигарету и вставила в серебристый мундштук. – Наверняка попросит вас зайти к ней в купе. Интересно, что она придумает в свое оправдание?

* * *

Агата вышла в уборную, и Кэтрин решила воспользоваться случаем. Руки чесались, еще когда та спала, да риск был слишком велик – малейшее неверное движение могло ее разбудить.

Конечно, нехорошо рыться в чужих вещах, но ведь это для ее же блага! Если Агата и вправду хочет посетить Ур, ей придется заслужить уважение Леонарда. Он терпеть не мог туристов, совершенно их не выносил, а уж затея с гостями для него будет просто кошмаром, особенно если гостья – женщина.

Зато Леонард всегда уважал ясный ум, невзирая на пол. Другой фактор, гарантировавший его внимание, – деньги. Если Мэри Миллер и вправду Агата Кристи, Леонард примет ее с расprostертыми объятиями.

Понадобилось лишь несколько секунд, чтобы найти искомое: пальцы нащупали нечто плоское и твердое, завернутое в кружевной платок. Мелькнул черный матовый уголок, золотой вензель британского герба – лев с единорогом... Кэтрин покосилась на дверь и наскоро пролистала страницы. Вот оно, доказательство: Агата Мэри Кларисса Кристи, девичье имя – Миллер.

* * *

Проходя мимо купе Нэнси, Агата помедлила. «Надеюсь лично вас поблагодарить, когда вы поправитесь». Звучит как официальное приглашение постучать в дверь, однако жалюзи были опущены. Может, спит? Агата огляделась по сторонам и приложила ухо к стеклу.

Раздался кашель, потом скрип – кто-то встал или сел?.. А вдруг она не одна? Вряд ли человека в состоянии стресса оставили без присмотра. Наверное, лучше позвать проводника: пусть спросит, можно ли ей зайти. С другой стороны, в данных обстоятельствах это выглядело чересчур формально, даже несколько абсурдно.

Едва она подняла руку, чтобы постучать, как дверь внезапно распахнулась. В проеме возникла крупная сердитая женщина в форме железнодорожника.

– Кто там? – слышался изнутри дрожащий, типично английский голос.

Женщина в форме оглянулась через плечо. В открывшуюся щелочку между ее массивным телом и дверным проемом Агата успела заметить Нэнси: та сидела на краю полки, засовывая ноги в шлепанцы в цвет бирюзового халата.

– Можно войти? – робко улыбнулась Агата.

Охранница нахмурилась.

– Она спать.

– Но я же вижу, что она проснулась.

Женщина подвинулась, загоразивая вид.

- Non capisco[19 - Не понимаю (ит.)], - ответила она.

Агата не собиралась сдаваться.

- Parlez-vous fran?ais?[20 - Вы говорите по-французски? (фр.)]

Настороженный взгляд.

- Un petit peu[21 - Немного (фр.)].

Агата бегло говорила по-французски - оказалось детство, проведенное в Париже с матерью. Она объяснила свою роль в этой истории и пообещала надолго не задерживаться.

Охранница бросила на нее мрачный взгляд, затем посмотрела на часы.

- Жесть минут, - пробормотала она и направилась в сторону уборной.

- Миссис Миллер! - Хотя Нэнси улыбалась, ее подбородок дрожал - было видно, что держится из последних сил. - Мне ужасно жаль... Я... Ваша голова... - Она умолкла и достала из кармана платок.

- Пустяки, всего лишь царапина.

Агата заметила, что карие глаза покраснели и опухли - видимо, проплакала всю ночь.

- Если вы хотите остаться одна, я не обижусь.

Нэнси закрыла глаза и протяжно вздохнула.

- Спасибо, что пришли. Эта ужасная женщина... Чувствую себя как в тюрьме!

Агата села на стул, принесенный для охранницы. В голове роились десятки вопросов.

- Вы знаете, как меня зовут... Откуда?..

- Видела где-то вашу фотографию - кажется, в журнале.

- А... - Прерывистый вздох. - Наверное, думаете, с ума сошла.

- Ну я... - Агата умолкла, понимая, что любой ответ будет бестактным.

Нэнси упорно разглядывала ковер, словно в его узоре скрывался ответ.

- Банальная история: я вышла замуж за человека, которому безразлична.

Слова повисли в воздухе. Агата замерла, ожидая продолжения.

- Мне казалось, убежать проще всего. - Долгая пауза. - Я ехала в Багдад, к кузине - надеялась остановиться у нее и обдумать, что делать дальше. А прошлой ночью получила телеграмму...

Нэнси разжала руку с платком, смятым в тугой шарик, и уставилась на него глазами, полными слез.

- Делия, моя кузина, умерла.

- Ох... Мне очень жаль!

Горе Нэнси притягивало, словно магнит. Агате захотелось наклониться к ней, обнять дрожащие плечи, однако останавливало воспоминание о лице, отразившемся в оконном стекле. Глаза, так похожие на Арчи... Если остается хоть малейший шанс, что он в этом замешан...

- Мне было... одиноко, - бормотала Нэнси едва слышно. - Я лежала в темноте, слушала стук колес, и вдруг мне пришло в голову, что единственное решение - прыгнуть с поезда.

Она провела рукой по волосам.

– Я всех разочаровала. Отец перевернулся бы в могиле, если бы узнал, что я натворила. Он считал, что Феликс будет превосходным мужем. – Девушка содрогнулась всем телом, словно неприязнь к мужу граничила с ужасом. – Но я не могла остаться – не могла этого вынести...

– Кто-нибудь знает, где вы? – спросила Агата самым нейтральным тоном.

Нэнси моргнула, словно не понимая вопроса.

– Мне не к кому возвращаться, если вы об этом. Кроме Делии, у меня никого не осталось.

Не к кому возвращаться... Тогда кто же тот мужчина?..

Агате вдруг пришло в голову, что она ошиблась: сложила два и два, а получила пять. Увидела отражение лица в стекле и решила, что Нэнси смотрела в ту сторону. А если, допустим, лицо зеркально отразилось с противоположного конца вагона? А Нэнси всего лишь пыталась привлечь внимание официанта где-то вне поля зрения Агаты?

Если так, то человек, похожий на Арчи, мог быть кем угодно: например, пассажиром, который сел на поезд в Париже и высадился через несколько остановок. Агата мысленно обругала себя идиоткой.

– Мы были женаты меньше года, но мне казалось – целую вечность...

Нэнси отвернулась к окну, глядя на горные пики, отливающие в предзакатном свете пурпурным.

– Простите за нескромный вопрос: давно вы замужем?

– Тринадцать лет.

– Вы когда-нибудь... – Нэнси умолкла, снова разглядывая ковер. – Вы когда-нибудь чувствовали, что все, дальше продолжать невозможно?

Ее слова перенесли Агату назад, в прошлое: четырнадцатое декабря 1926 года, за десять дней до их двенадцатой годовщины. Вспомнилось лицо Арчи, когда он поднимался по ступенькам отеля в Харрогейте, его взгляд, полный холодной ярости. Никогда в жизни она не чувствовала себя настолько одинокой...

– Я его очень любила, – вырвалось непроизвольно. – Мы... Я...

Она никому не рассказывала об этом – ни Шарлотте, ни даже сестре. Ее чувства к Арчи, причина, по которой она инсценировала самоубийство, – все это было слишком больно, слишком унижительно... Но перед ней сидела женщина, которая и в самом деле пыталась покончить с собой.

Внезапно нахлынуло желание уберечь ее, рассказать правду, насколько возможно.

– Он влюбился в другую женщину, и для меня жизнь кончилась.

Нэнси смотрела на нее широко раскрытыми глазами – надо было продолжать.

– Это случилось в пятницу вечером. Я ждала его, а он не вернулся домой. Тогда я поехала туда, где он мог быть – к дому его друзей. Там стояла ее машина – той девушки, с которой он встречался. Не знаю, о чем я думала... Я припарковалась и долго сидела в машине – смотрела на дом, на тени, движущиеся в окне. Потом уехала в ночь, сама не знаю куда. Помню только – хотелось умереть. Я оказалась у старого карьера и подумала: а не съехать ли вниз?

– И что же вас остановило?

Агата перевела взгляд на горы, темнеющие за окном. Она знала, как нужно ответить. Да, по дороге она думала о Розалинде, но когда заглушила мотор, ее мысли сосредоточились на Арчи: как можно все устроить, как вывернуть его мир наизнанку...

– Я не смогла оставить дочь. Это было бы... – Агата умолкла, и от ее дыхания затуманилось стекло.

Голова Нэнси качнулась на долю дюйма – едва различимый кивок.

– А потом я вспомнила еще одну вещь, которую нам сказала учительница на уроке математики. Мне тогда было двенадцать.

Припоминая точные слова, она помедлила. То, что казалось столь глубокомысленным, сейчас уже подверглось сомнениям. Учительница говорила о любви и страдании, о Христе в Гефсиманском саду; о том, что каждый из них в какой-то момент почувствует себя одиноким, брошенным всеми – даже Богом. И когда время придет, они должны знать – это не конец, Бог рядом и поможет, если верить ему себя. Почему-то эти слова запали в душу крепче любой проповеди, однако не стоит повторять их Нэнси – не сейчас.

– И что же она сказала? – Нэнси наклонилась ближе.

Агата перевела дух.

– Она сказала: «Каждый из вас рано или поздно впадет в отчаяние». – В принципе, недалеко от оригинала. – «Невозможно любить без страданий – но кто не любил, тот никогда не познает смысла жизни». Потом еще добавила: «Когда все оборачивается против вас и кажется, что больше нет сил, не сдавайтесь: именно в этот момент наступит поворотный пункт, и все изменится».

Агата глянула на свои руки, на обручальное кольцо.

– Я завернулась в пальто и закрыла глаза... Должно быть, уснула, а когда проснулась, было уже утро. Сквозь туманную дымку вставало солнце, где-то неподалеку пел дрозд, и я радовалась, что живу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Это убийство расследует мисс Марпл в романе «Карибская тайна» (1964).

2

Бутерброд с яйцом, сваренным без скорлупы.

3

Рис с кусочками вареной или копченой рыбы.

4

В то время было принято проглаживать свежие газеты утюгом, чтобы типографская краска не приставала к пальцам.

5

Французское имя – Сара Элиевна Штерн (1885–1979) – знаменитой художницы-авангардистки, работавшей также как модельер.

6

Богатая и влиятельная женщина («царица» – условный термин), жившая в одном из древнейших городов шумерской цивилизации, Уре, прибл. в 2600-е гг. до н. э.

7

Госпожа – почтительное обращение к европейской женщине в колониальной Индии.

8

Ассорти из мелкого печенья или пирожных.

9

Венецианский водный трамвай.

10

Площадь Сан-Марко (ит.).

11

К сожалению, сидячих мест нет (ит.).

12

Английская пинта – чуть больше полулитра.

13

Горький шоколад (ит.).

14

Соус из уваренного молока с ароматическими добавками, более жидкий аналог отечественного сгущенного молока (буквально – «десерт из молока» (исп.)).

15

Венецианский десерт (буквально – «сливки дождей» (ит.), правителей Венеции в VII–XVIII вв.).

16

Сицилийское десертное вино.

17

Главные ингредиенты – яблоки, сельдерей, орехи.

18

То есть признана ведущим британским журналом о светской жизни лучшей среди девушек, только что вышедших в большой свет.

19

Не понимаю (ит.).

20

Вы говорите по-французски? (фр.)

21

Немного (фр.).

Купити: https://telnovel.me/eshford_lindsay/zhenschina-v-vostochnom-eksprese

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)